Человек: сознание и мысль

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ижевск 1994

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЧЕЛОВЕК: СОЗНАНИЕ И МЫСЛЬ

(Философско-экономический подход)

Сборник научных трудов

ИЖЕВСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО УДМУРТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1994

ББК 87. 3(2)
С 25

Рецензенты: д-р филос. наук, профессор Б. А. Родионов, канд. экон. наук, доцент Г. Е. Калинкина

С 25 Человек: сознание и мысль (Философско-экономический подход): Сб. науч. тр./Под ред. А. А. Петракова. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. 96 с.

ISBN 5-7029-0104-5

В настоящем сборнике представлены статьи преподавателей кафедр наук гуманитарного и социально-экономического циклов Удмуртского государственного университета, Ижевского технического и Уральского педагогического университетов, а также сотрудников Института человека при УдГУ.

Работа рассчитана на преподавателей, аспирантов, ученых, студентов, на всех, кто интересуется проблемой взаимодействия внешнего и внутреннего мира человека.

Сборник подготовлен кафедрой философии и Институтом человека Удмуртского государственного университета.

С $\frac{0301010000-93}{М\ 85(03)-94}$ Без объявл.

ISBN 5-7029-0104-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике представлены статьи, которые на первый взгляд не имеют непосредственного отношения к проблеме, заявленной в названии этого сборника. Но это только на первый взгляд. Человек, воплощаемый в «Я», есть мысль. Любой смысл, любое понимание представляет собой мысль. Даже когда я ни с кем не общаюсь, я общаюсь с самим собой. Я думаю, и когда бодрствую, и тогда, когда сплю. Вся структура моего существа — это мысль. Ее корни лежат гораздо глубже, нежели мне известно. Все, что я думаю и делаю, все, чем я являюсь как человек,есть мысль; мысль создает удовольствие и страдание, склонности, влечения, решения, умозаключения, надежды, страхи, вопросы. Мысль совершает убийство, и мысль прощает.

Человек полностью в своих действиях, поведении, жизнедеятельности обусловлен мыслью,. внутренним. Разумеется, мы четко отдаем себе отчет в том, что индивид обусловлен и внешним, и внутренним. И все же в решающей степени — внутренним. Что субъект представляет из себя внутри, то он и выплескивает наружу.

Обусловленность — это зависимость, норма, клетка-ловушка. Можно ли вырваться из данной зависимости, можно ли добиться того, чтобы, когда это требуется по ситуации, мысль работала эффективно, а в другом случае — пребывала в спокойствии, заряжая человека энергией, ибо сила — в покое? Проблема изменения человека — это высшая проблема, решив которую, человек внутренне изменит себя, а вместе с этим весь мир.

Для этого нужно понять сущность мысли, сознания, мозга. Это не только большой философский, но и экономический вопрос. Управление собой, своим внутренним миром — высшая экономика, которая обусловливает управление и внешней экономикой. Сделать мысль слугой, превратить ее из господина в

слугу — сложнейший экономический (помимо, конечно, философского, психологического и других подходов) момент.

Мысль — это ответ на вызов; мысль не есть действие, дело. Это следствие, результат результата, результат памяти. Память — это мысль, а мысль — выражение памяти в словах. Память — это опыт. Процесс мышления есть сознательный процесс, скрытый и явный. Мыслительный процесс в целом — это сознание; бодрствующее и спящее, верхний и более глубокий уровни, все это часть памяти, опыта. Мысль, мышление не могут быть независимыми. Термин «независимое мышление» содержит в себе противоречие. Мысль является результатом, возражает или соглашается, сравнивает или приспосабливается, осуждает или оправдывает; и следовательно, мысль никогда не может быть свободной. Результат никогда не может быть свободным; он может извиваться, манипулировать, блуждать, двигаться в определенном направлении, но не может освободиться от собственного «якоря» — памяти. Мысль привязана к памяти, она никогда не может быть свободной и установить истину какой бы то ни было проблемы.

Можно подумать, что мысль вообще не имеет ценности.

Мысль имеет ценность при увязывании следствий, но сама по себе, как средство действия, она не имеет никакой цены. Действие — это революция, а не увязывание следствий. Действие, свободное от мысли, от идеи, от верования, никогда не укладывается в рамки какого-либо образца. В рамках образца возможна только деятельность. Деятельность может быть полной насилия, кровавой или противоречивой, но она не является действием. То, что содержит противоречие, противоположность, не является действием: это модифицированное продолжение деятельности. Противоположное продолжает оставаться в сфере результата, и, следуя за противоположным, мысль оказывается пойманной в сети собственных ответов. Действие — это не результат мысли, оно не имеет никакого отношения к мысли. Мысль, результат, никогда не создают новое. Новое является от момента к моменту, мысль же — всегда старое, прошлое, обусловленное. Она имеет свою ценность, но не имеет свободы. Все что имеет ценность, есть ограничивающий фактор: оно связывает. Мысль связывает, т. к. мы ее постоянно поддерживаем.

Каково отношение между сознанием и мыслью? Вот вопрос, часто встречаемый в соответствующей литературе. Однако разве это не одно и то же? Существует ли различие между тем, кто мыслит, и тем, кто сознает? Мышление — это ответ. А разве бытие сознания не является также ответом? Когда вы созна-

ете, дорогой читатель, например, этот стул, ведь это ответ на стимул, а разве мысль — не ответ памяти на какой-то толчок? Этот ответ мы называем опытом.

Переживание — это вызов и ответ, а вместе с называнием или регистрацией — весь этот процесс на разных уровнях — это сознание. Не так ли? Опыт — это результат, следствие, переживание. Этому результату мы даем название. Но само название — умозаключение, одно из многих умозаключений, совокупность которых образует память. Этот процесс умозаключения есть сознание. Умозаключение, т. е. результат, есть сознание «я». «Я» — это память, совокупность умозаключений, а мысль — ответ памяти. Мысль — это всегда умозаключение; мышление — процесс умозаключения. Вот почему оно никогда не может быть свободным.

Мысль всегда есть то, что на поверхности: это — умозаключение. Сознание — это регистрирование внешнего. Внешнее, поверхностное разделяет себя на внешнее и внутреннее, но такое разделение не делает мысль менее поверхностной.

Не существует ли все же нечто такое, что находится вне мысли, вне времени, нечто такое, что не создано умом?

Об этом состоянии вам мог кто-нибудь рассказать или вы прочитали о нем, или непосредственно пережили это состояние. Такое переживание никогда не может быть опытом, результатом. Оно не может быть предметом размышления, если вы начинаете о нем думать: тогда это только воспоминание, а не переживание. Вы можете повторить то, о чем прочитали или услышали, но слово — это совсем не переживание. Само это слово, само повторение препятствует состоянию переживания. Состояние переживания невозможно, пока происходит мыслительный процесс. Мысль, результат, следствие никогда не могут постичь состояние переживания.

Тогда как же мысль может прийти к концу?

Постарайтесь постичь следующее: мысль, являясь результатом познанного, никогда не может понять состояния переживания! Переживание всегда новое, мышление же всегда старое. Поймите это, и истина принесет свободу — свободу от мысли, от результата. Тогда явится то, что находится за пределами сознания, что не бывает ни спящим, ни бодрствующим, что не имеет имени: оно есть.

Таким образом может быть достигнуто состояние, когда человек сможет в оптимальном режиме управлять своим духом и телом, превратив мысль из господина в слугу; быть свободным от нее, все же учитывая, что социум обусловливает мысль

в качестве пускового механизма; затем она определяет поведение индивида.

Мы привыкли рассматривать человека, «я», сознание, мысль в качестве сложного, прежде всего философского, феномена. Но все это не менее сложный и экономический феномен. Каковы основания последнего?

Сознание, мысль, создающая «я» человека, в решающей мере обусловливает его поведение, всю жизнедеятельность, начиная от рождения и кончая смертью — все внутреннее хозяйство. Иными словами, вся его экономика (любое хозяйство — это прежде всего экономика) пронизано сущностью «я» (в качестве мысли) сознанием. То, что субъект представляет внутри, он выплескивает наружу. Следовательно, от состояния его внутреннего хозяйства напрямую зависит состояние хозяйства (экономики) ближайшего и дальнего окружения (села, города, государства, общества, мира). Экономика труда, как и все остальные экономики, находится в прямой зависимости от экономики человека (имеется в виду прежде всего его духовное и физическое состояние). Чем выше уровень экономики здоровья (экономики человека), тем выше уровень и всех остальных экономик. Таким образом, получается следующее: чтобы экономику поднять на соответствующий уровень, выправить ее, успешно осуществить экономические реформы, необходимо совершить соответствующую внутреннюю революцию человека, единственную революцию, необходимую для того, чтобы получить результат, который общество ищет тысячелетия и, к сожалению, не может найти до настоящего времени.

Сознание и мысль — главный фактор социально-экономического развития.

Предисловие и заключение написаны А. А. Петраковым.

А. А. Петраков, А. А. Разин

ЧЕЛОВЕК: ПРОСТРАНСТВО ЕГО РАЗВИТИЯ, СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО, СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

I. Взаимодействие внутреннего и внешнего — пространство развития человека

Человек в интересующем нас аспекте — философская категория для обозначения сложной, постоянно развивающейся природно-социальной системы, представляющей собой взаимодействие внутреннего с внешним. Говоря о внутреннем, мы имеем в виду его дух (сознание, подсознание), тело. Под внешним — экологическую (природную) и социальную среду.

Природная и социальная среда при этом рассматривается и как среда непосредственного окружения индивида, и как более отдаленная, т. е. все общество, вся природа, весь космос, бесконечно движущаяся материальная система. В этом плане человек не просто природно-социальное, а космическое существо. Его пространство — единство микрокосмоса и макрокосмоса. На это уже давно обращалось внимание в ряде философско-религиозных систем, а крест в этих системах объяснялся как символ соединения двух космосов: горизонтальная линия — микрокосмос, а вертикальная — макрокосмос.

Взаимодействующие противоположности (противоречия) пронизывают всю движущуюся материю, все ее многообразие, бесконечные образования и проявления. Противоположности и в единстве, и в постоянной борьбе. Два главных закона правят в мире вообще и в пространстве человека, в частности. Это законы организации и дезорганизации, развала, распада, анархии, краха (короче — энтропии или второго закона термодинамики). Главное во внутреннем мире (пространстве) субъекта — дух, мозг с его сознанием и подсознание. Именно здесь проявляет себя своеобразие поведения исторической особи, в конечном счете определяющее поведение всего общества, где действуют уже общественное сознание и общественное подсознание. Сознание — это то, что связывает индивида с обществом (социальное), подсознание — то, что связывает с природным (биологическое). Отношения между сознанием и подсознанием весьма сложные. Существует целый ряд законов и закономерностей, определяющих эти отношения и составляющих целую науку — культуру управления собой, которая, к сожалению, пока не

изучается в нашей обучающей системе. А ведь от знания данных законов в решающей мере зависит жизнедеятельность человека, ее насыщенность плюсами или минусами. Сознание должно тонко и весьма корректно управлять подсознанием, чтобы оно, в свою очередь, помогало, а не мешало своей противоположности. Очень важным моментом в этом управлении является правильное, положительное, максимально достигаемое в расслабленном состоянии программирование подсознания сознанием. Вообще, неправильная работа мозга (отрицательные мысли) моментально приводят весь человеческий организм, всю его физиологию в расстройство. Но лучше всего постоянно на какое-то время отключать себя от всяких мыслей. Это является мощным оздоровительным фактором. Отключение от всяких мыслей можно определить как безмолвие. Это более сильный момент, чем пребывание в состоянии положительных мыслей, поскольку в любой положительной мысли обязательно есть отрицательное, и наоборот. Такова уж диалектика любого явления. Безмолвие — высшее проявление медитации, во время которой происходит насыщение биологического поля человека и непосредственно его организма космической энергией.

Состояние биополя, энергетический потенциал индивида в целом зависит и от внешнего, и от их заряженности плюсом или минусом. Если, например, окружающее субъекта пространство заряжено отрицательными импульсами, то биологическое поле понижается, и наоборот. В этом же направлении работают все отрицательные мысли человека. При многократном, длительном действии отрицательного в биологическом поле индивида пробиваются «дыры», в которые мощным потоком устремляются «темные силы». И человек начинает недомогать. Вот почему важна подзарядка «светлой», положительной, космической энергией. Не надо забывать (подчеркнем еще раз), что человек — космическое существо.

Таким образом, на словах все довольно просто: старайся менять постоянно минус на плюс и будешь здоров. Но в действительности, в повседневности осуществлять это весьма сложно. Необходима кропотливая регулярная тренировка, владение соответствующими приемами и методами, которые нужно знать и, что сложнее и важнее, все время применять.

Усилие, устремление и доверие — вот три основы человека, где главное — его устремление. Например, мощное устремление на периодическое освобождение мозга от всех мыслей. Умение мыслить — большой дар. Однако умение не мыслить — дар еще больший. Весь организм человека, его мозг получают в этот момент большой заряд космической энергии. Например, из

истории развития научной мысли известно, что озарения к ученому приходили тогда, когда его «мыслительная машина» была отключена. Иными словами, оптимум в поведении человека достигается при условии, что он управляет своими мыслями, а не становится их рабом. Получается, что разум — это и благо, и наказание человеческой особи. В этом смысле преимущество остального живого и всего неживого мира очевидно.

Правда, любое преимущество, в том числе и названное, содержит и недостаток.

Во внутреннем мире человека его дух активно взаимодействует с телом. Говорят, что в здоровом теле — здоровый дух. Но еще более точно, что при здоровом духе — здоровое тело. Предельно ясно то, что индивид в идеале должен развивать умственные возможности вместе с физическими. В противном случае движение его внутреннего мира будет однобоким и скорее всего коротким.

Пространство развития человека — философско-экономическая категория для обозначения взаимодействия его (человека) внутреннего и внешнего мира, составляющих единое целое.

II. Социальное производство человека как его самопроизводство

Долгое время в нашей литературе, посвященной производству человека, отмечалось, что оно представляет собой диалектическое взаимодействие социальной среды и внутреннего настроя, где определяющая роль и ведущее место отводилось внешней среде. В общем верная формула нуждается в дополнении, уточнении, дальнейшем разъяснении. Внешнее включает не только социальную, но и природную среду, как непосредственно окружающую индивида, так и простирающуюся до беспредельного космического пространства. Внутреннее — это: сознание, позволяющее трактовать человека в качестве социального существа и связывающее его с обществом; подсознание, воплощающее в себе биологию субъекта, единство с природой; физиология. Внешнее представляет собой пусковой механизм для производства человека, в частности, для его рождения. Производство индивида в рассматриваемом нами аспекте можно определить как философско-экономическую категорию для обозначения системы, находящейся в развитии и включающей в себя деторождение и процесс воспитания, бесконечного приобщения человека к особенностям социальной среды. В этом процессе альтернативой воспитанию является самовоспитание. После рождения индивида параллельно с воспитани-

ем осуществляется и самовоспитание, индивидуальное поведение человека, его реакция на меры, осуществляемые обществом.

Можно считать, что производство субъекта, таким образом, есть внешнее, и следовательно, им определяющееся. Самопроизводство — внутреннее, уже данным обусловливающееся. В целом, в диалектическом единстве, во внешнем всегда есть внутреннее, и наоборот. Вопрос только в том, что преобладает в данный конкретный момент и в данной конкретной ситуации. Производство человека всегда включает самопроизводство.

Самопроизводство индивида имеет в своем составе производство. В конечном же счете производство человека выступает как его самопроизводство. В решающей степени оно зависит от культуры управления собой, которая в настоящее время оформляется в целую философско-экономико-психологическую науку о законах и закономерностях взаимодействия сознания и подсознания, содержащую философско-экономическую теорию здоровья. Пока робко и осторожно, но она начинает внедряться в нашу систему обучения на всех уровнях, начиная от начального и кончая высшим. Все многочисленные промахи людей в их жизнедеятельности, начиная от простых тружеников и кончая главами государств и правительств, обусловливаются отсутствием культуры управления собой, умения справляться со своим разумом и чувствами, умения разделить их, особенно там, где это жестко требуется по ситуации.

Сознание и подсознание — две противоположные сущности, находящиеся в единстве и борьбе, постоянно взаимодействующие между собой на основе определенных законов и закономерностей, знание которых в значительной степени облегчило бы различные отношения людей в обществе, начиная с семейных и кончая национальными. Незнание их приводит к бесчисленным конфликтам, от которых в настоящее время очень устало наше общество. Сознание в человеке представляет, иными словами, социальное, подсознание — биологическое, напрямую связывающее субъекта с природным космическим миром. Сознание — мир мыслей, теорий, концепций, логики. Подсознание — мир чувств, эмоций. Два взаимосвязанных мира, управляющих самопроизводством человека. Что здесь главное, что определяющее? Разумеется, очень многое зависит от работы разума, сознания. Например, воля, которая детерминирует жизнедеятельность, поведение. Самопроизводство субъекта есть работа с разумом, сознанием.

Три естества пронизывают человека: привычка, воля, нравственность. В зависимости от них следует вести речь о человеке привычки, субъекте воли и нравственности. В большинстве

случаев люди действуют в русле привычки, в зависимости от складывающихся обстоятельств, следуя им и не пытаясь изменить их. В этом случае господствует в самопроизводстве подсознание, чаще всего с минусовым значением. С положительным оно также может господствовать, но только в том случае, если ранее осуществлялось его правильное положительное программирование со стороны сознания.

Один из законов взаимодействия сознания и подсознания формулируется следующим образом: подсознание так направляет поведение индивида, как его (подсознание) запрограммировало сознание. Отсюда вытекает значительная роль внушений в действиях субъекта. Иными словами, каким образом подсознание настроишь, таким оно и проявляет себя, одновременно направляя деятельность человека. Управление собой предполагает человека волевого, активно работающего с разумом, сознанием. Воля это и есть работа с разумом. Существует много приемов и методов данной работы.

На самопроизводство, его процесс общественное сознание разумеется влияет. (Здесь мы оставляем в стороне экономическую сторону дела, где формула о решающем воздействии экономического базиса на бытие человека стала расхожей.) В социальной среде, как и в отдельном индивиде, общественное сознание имеет свой противовес. Таковым является общественное подсознание. В данном случае под общественным сознанием мы понимаем непосредственно его теоретический блок: мир общественных теорий, взглядов, концепций. То, что в нашей научно-философской и другой литературе называется общественной психологией, массовым, обыденным сознанием, представляется нам как общественное подсознание. Это — мир коллективных эмоций, чувств, настроений тех или иных групп людей, коллективов, целого общества, особенно хорошо проявляющийся, например, во время различного рода демонстраций, митингов, собраний и т. д. Общественные руководители разного уровня, даже не зная тонкостей соответствующей теории и основ управления собой, хорошо разбираются в том, как воздействовать на общественное подсознание. Правда, в большинстве случаев в отрицательном, а не в положительном русле. Именно в феномене воздействия общественного сознания на общественное подсознание следует искать, например, ответ на вопрос, почему до сего времени некоторая часть людей продолжает считать, что до 1985 года в условиях так называемого «развитого социализма» социальная жизнь осуществлялась правильно и хорошо.

Производство человека — сложная система, в своей основе имеющая прежде всего самопроизводство, определяемая взаимодействием общественных сознания и подсознания, а также сознания и подсознания внутри самого индивида.

III. Свободное время и пространство развития человека

Решение поставленного вопроса требует, на наш взгляд, прежде всего рассмотрения сущности понятий, составляющих его название. Ключевыми здесь являются дефиниции «время» и «пространство». Время часто определяется как атрибут всеобщей формы бытия материи, выражающий длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем, а также процессов в мире. Любая материальная система, в том числе и индивид, существует и развивается по своему собственному времени, которое зависит от особенностей постоянных изменений в ее структуре и внешней среде (для человека — как социальной, так и природной).

Пространство же представляется в кафестве формы бытия материи, характеризующей ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах. Пространство каждой материальной системы, в том числе и той, что образует человека, принципиально незамкнуто, непрерывно переходит в пространство другой системы, которое может отличаться по метрическим и другим локальным свойством.

Понятие «свободное время» применительно, в первую очередь, к человеку (можно сказать, — и только к человеку). Понятие это в определенной степени (впрочем, как и другие) отражает относительную сущность. В свободном времени наличествует несвободное, и наоборот.Дело лишь, выражаясь математическим языком, в процентном соотношении того и другого. Может в поведении личности преобладать свободное, а может и несвободное время. В нашей научной действительности, в частности в философско-экономической, написано большое количество литературы по свободному времени. Дается немало его определений. Однако, на наш взгляд, все они не проясняют существа дела и не учитывают одного важного обстоятельства, связанного с рассмотрением вопроса о потребностях индивида. Потребности подразделяются на внешние и внутренние. Разумеется, они не существуют изолированно, в чистом виде. Внешние потребности — это немногочисленные обязанности субъекта, диктуемые, главным образом, внешними обстоятельствами, то, что человеку надо обязательно, во что бы то ни стало, вы-

полнять. Например, в качестве такой надоедливой, но обязательной обязанности (или внешней необходимости) может выступать работа, постоянная или временная. Классическим примером подобной внешней обязанности для многих еще недавно в нашей стране выступала общественная работа (многочисленные общественные поручения). В нашем рассуждении понятия «внешняя потребность», «обязанность», «необходимость» несколько отличаются друг от друга. Наиболее широким по содержанию здесь является дефиниция «необходимость». И если слова «необходимость» и «обязанность», «внешняя потребность» часто совпадают применительно к работе, профессиональной деятельности человека, то они могут несколько или совсем не совпадать в других соотношениях. Субъект может и не испытывать потребности к занятию профессиональной деятельностью, но его действия в данном случае определяются жесткой обязанностью, необходимостью, переходящей во внешнюю потребность. Если, например, речь идет об участии в общественной работе, то у человека может не быть потребности или какой-то необходимости. Есть лишь обязанность: надо, так требуется, необходимо со стороны внешней среды (социальной или природной). Хорошим примером в этом плане было недавнее выражение: «Партия говорит — надо, комсомол отвечает — есть!».

Внутренняя же потребность субъекта — всегда действительная потребность, желание, осуществляемое им с интересом; с удовольствием идет на работу и с неменьшим удовольствием возвращается домой. В данном контексте любой труд (даже дворника и ассенизатора) может превратиться в наслаждение. При условии, что он осуществляется по внутреннему желанию, а не по желанию внешних обстоятельств. Исходя из данного рассуждения об особенностях потребностей, их внешней и внутренней сути, можно вести речь о том, что собой представляет свободное время. На наш взгляд, это философско-экономическая категория для обозначения того времени, периода в жизнедеятельности индивида, которое (или который) он осуществляет с внутренним желанием, удовольствием, наслаждением.

Наиболее распространенной трактовкой свободного времени в нашей философской и экономической литературе до сего времени остается следующая: это время, свободное от работы, профессиональной деятельности, того основного, что поддерживает, главным образом, материальное существование человека. Однако, следуя выдвинутой нами концепции, если человек осуществляет постоянно свою жизнедеятельность, какую бы форму она ни принимала, с желанием, он находится в состоянии

свободного времени. И наоборот, если жизнедеятельность проходит без внутреннего желания, только по принципу «надо», человек (осознает он это или нет) находится в полосе несвободного для себя времени. Конечно, в разворачиваемом положении речь идет о философско-экономическом, академическом, абстрактном подходе к определению свободного времени. В обиходе можно говорить о времени, свободном от занятий в учебных заведениях, основной работы, чтения, письма и т. д., и т. п.

Учитывая наши соображения о свободном времени, можно более определенно и правильно говорить о том, что именно оно активно работает на пространство для развития физических и особенно психических сил человека, представляющее, как мы определили в первом разделе статьи, взаимодействие внутреннего и внешнего. Несвободное время, когда субъект только и думает о том, как бы побыстрее избавиться от ненужной для его внутренней сущности внешней обязанности, конечно не может представлять собой пространство совершенствования человека. Кстати, если употребляется понятие «развитие человека», не совсем понятно, о чем идет речь (о прогрессивном или регрессивном в становлении и самореализации индивида). Для более полного понимания необходимо рассмотреть, что такое развитие в философско-экономическом, академическом, абстрактном плане.

Развитие как понятие взаимосвязано не только с такими дефинициями, как движение, прогресс, регресс, изменение, становление (основными), но и другими (неосновными), которые здесь рассматривать не будем.

Изменение — философская категория для обозначения процесса непостоянства той или иной формы бытия, которому предшествует до-бытие и за которым следует не-бытие. Движение — философская категория для обозначения изменения вообще, совершающегося в различных пространствах и временных измерениях. Становление — философская категория для обозначения какой-то относительно начальной точки происходящего изменения, движения, развития. Последнее понятие наиболее интересующее нас в разворачиваемом рассуждении. Развитие — философская категория для обозначения направленного, необратимого и закономерного движения, которое может совершаться как по восходящей линии (прогресс), так и по нисходящей (регресс). Иначе говоря, развитие осуществляется либо со знаком «плюс», либо со знаком «минус».

Применительно к человеку время несвободное или свободное может быть либо положительным, либо отрицательным для его развития. Не все, осуществляемое индивидом даже с внут-

ренним желанием, доставляющее ему (субъекту) удовольствие, наслаждение, может способствовать его совершенствованию. Так, например, для многих обильное питание — большое внутреннее желание, приносящее удовольствие, оборачивается бедой. Заметим, что, говоря либо о положительном, либо об отрицательном, мы имеем в виду, что это положение, как и всякое другое, в той или иной мере относительно. В положительном присутствует доля отрицательного, и наоборот, в отрицательном наличествует определенный процент положительного. В целом же все наши знания условны, искажены, приблизительны.

Таким образом, только свободное время, осуществляемое человеком с положительным внутренним настроем, является мощным фактором пространства его совершенствования, не просто развития, а прогрессивного развития, положительной самореализации. Самореализация — философская категория для обозначения процесса выполнения индивидом тех целей и задач, больших и малых, которые ставятся им постоянно в процессе жизнедеятельности. Самореализация также может нести либо отрицательный, либо положительный потенциал.

Итак, обязанность или желание. Для совершенствования субъекта большое значение имеет следующее обстоятельство: может ли он трансформировать, преобразовывать обязанность в желание, «надо» в «хочется». От этого зависит удлинение свободного времени. Но, как мы показали выше, недостаточно просто оказаться в свободном времени. Не менее важно сделать так, чтобы оно текло в положительном, а не в отрицательном русле для окружающих, и главное, для самого индивида. Как этого добиться? Некоторые, но таких немного, добиваются подобного интуитивным путем. Надеяться только на интуицию нельзя. Здесь следует ориентироваться на научные знания. Иными словами, встает задача овладения культурой управления собой, способностью приводить себя в соответствующее внутреннее настроение, благотворно воздействующее на поведение человека, его отношение со средой, в которой он действует. Нужно знать законы и закономерности взаимодействия сознания и подсознания, двух сфер, являющихся главным двигателем поведения человека.

Существует много определений сознания, философских и нефилософских. В философском плане мы бы использовали понятие «сознание» для обозначения той сущности, которая делает человека социальным существом, вводит его в общественное и наполняет структуры организма социальными характеристиками. Подсознание в интересующем нас аспекте — философская категория для обозначения подсистемы, связывающей индиви-

да с природным (биологическим), постоянно проявляющимся в его поведении, жизнедеятельности и накладывающим отпечаток на социальное (сознание).

Сознание и подсознание — две противоположности (взаимодействующие стороны), находящиеся в единстве и борьбе. Где есть противоположности (взаимодействующие стороны), там возникают противоречия между ними, поскольку взаимодействие противоположных сторон — это и есть противоречия.

В последнее время в нашей литературе (главным образом, в психологической) некоторые авторы стали, кроме сознания и подсознания, выделять еще сверхсознание. Таким образом, получается триада. Структура под сознанием, над сознанием и само сознание. Однако считаем, что удобнее для выявления законов и закономерностей, происходящих в мозге человека и определяющих в конечном счете всю его жизнедеятельность, особенно не выделять сверхсознание, которое представляет собой все же часть сознания. Это сущность, также мобилизующая социальное. Вот почему оставим в стороне сверхсознание и продолжим рассуждения с использованием дефиниций «сознание» и «подсознание».

В ряде работ психологов (главным образом, в работах известного советского ученого, психиатра, психолога В. Леви) сознание связывается, как они называют, с райской сферой, а подсознание с адской сферой. В райскую сферу входят те структуры, которые отвечают за радость, удовольствие, наслаждение, эйфорию как состояние и др. В адскую — структуры, работающие на злость, ненависть, зависть, агрессию и т. д. Сознательно субъект готов постоянно находиться в состоянии покоя, эйфории. Однако подсознание — адская сфера заставляет его волноваться, быть агрессивным. Только путем тонкого, умелого управления сознание может убедить подсознание принять соответствующую исполнительную программу. Управление самим собой — это и есть управление сознания подсознанием. И здесь сознание должно действовать как ловкий руководитель коллектива, который так мастерски управляет, что его не замечают. Управление это нацелено на то, чтобы действия сознания и подсознания совпадали, что бывает редко, не чаще, чем счастливый брак. Когда сознание и подсознание совпадают по направлению работы, осуществлению поставленных целей и задач, тогда происходит превращение «надо» в «хочу», обязанности в желание, а также совмещение таких сущностей, как ценность и значимость. Рассмотрим содержание данных понятий опять-таки с философских позиций. В нашей философской, а также иной литературе, употребляется пока одно понятие

ценности. Считается, что дефиниция «значимость» тождественна по содержанию понятию «ценность». В русле наших рассуждений ценность можно связывать с обязанностью, а значимость — с желанием. Ценность, на наш взгляд, философская категория для обозначения сознательной значимости. Значимость — подсознательная ценность. Ценность и значимость могут совпадать, что случается не так уж часто. Чаще они не совпадают. Разумом индивид понимает, что надо следовать той или иной положительной ценности, утвержденной общественным развитием, а его (индивида) чувства заставляют действовать в колее внутренней ценности (значимости). Создается рассогласование разума и чувств, ценности и значимости, обязанности и желания. Например, каждый из супругов отдает себе отчет на уровне сознания, что дети — одна из главных ценностей. Однако для немалого количества супругов данная ценность не есть сущность для реализации, поскольку внутренне они могут быть нацелены на что угодно, только не на детей. Материальное благополучие, собственная машина, дача выступают в качестве внутренней ценности (значимости), мешающей рождению детей. Совсем без детей жить вроде неудобно. Нужно иметь, но никак не больше одного. Но есть и такие супруги, которые, сознательно рассматривая ребенка в качестве большой ценности, подсознательно не желают иметь ни одного. Чтобы каким-то образом положение было выравнено, в общественный процесс деторождаемости вмешивается природа, в частности, путем воздействия на наследственные механизмы, вкладывая в них повышенную потребность в детях. Поэтому мы наблюдаем, что в некоторых семьях много детей, в некоторых мало, а в третьих — совсем нет. Так или иначе дело до катастрофы не доходит. Однако, если пренебрежение указанной ценностью будет расти, человечество в целом, индивид в отдельности, могут оказаться у последней черты.

Еще один пример. Все или почти все сознают, что одной из главных ценностей (если не главной) является здоровье субъекта. Но многие ли следуют здоровому образу жизни, укрепляющему дух и тело? К сожалению, нет, хотя его пропаганда средствами массовой информации усиливается. В чем же дело? Опять-таки в том же соотношении, что и в предыдущем примере. Внутренне нет никакого желания вести здоровый образ жизни. «Черт, которого я знаю, лучше того черта, которого я не знаю», — вот психологическая формула, которой руководствуются в этом случае, как впрочем и в ряде других, в аналогичных ситуациях. Для того, чтобы вести здоровый образ жизни, нужны постоянные усилия. А человек запрограммирован в

целом на следование тому, что полегче. В жизнедеятельности человека проявляет себя закон: по мере увеличения возраста организм все меньше подвержен желанию преодолевать усилия. Противоречие между сознанием и подсознанием. Можно было бы приводить еще множество примеров подобных противоречий. Они пронизывают всю жизнедеятельность человека, порождают конфликты, нередко трагически заканчивающиеся, так называемые парадоксальные ситуации.

Итак, сложные взаимодействия между сознанием и подсознанием, разумом и чувствами, ценностью и значимостью. Целый мир, вселенная, космос внутри субъекта. Знает ли он что-либо о законах и закономерностях этого сверхсложного пространства? К сожалению, редко можно встретить знающего человека. А знающий достигает нужных сведений часто интуитивно. Он больше знает о процессах, происходящих в окружающей среде, чем внутри себя. Человек не постигает самой главной науки — науки управления собой.

Удмуртский университет
Институт человека

А. С. Крылова

СОЦИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ ИЕРАРХИЧНОСТЬ В ПСИХИЧЕСКОМ

Учитывая главенствующие идеи прошедших эпох, составивших систему философского взгляда на мир, можно вслед за Гегелем увидеть в тенденциях развития человеческой мысли сходство с формированием и развитием индивидуального мышления. В этой связи стоит отметить, что XIX—XX вв. стоят особняком. Возникает западноевропейская законченная трактовка совершенного человека. Противоречия как двигатель и источник развития входят гармонично в концепцию развития человеческой мысли — «идеи». Отметая все лишнее, уводящее мысль в сторону от существа дела, стоит отметить, что Гегель и его последователи были правы в том, что историческое развитие «идеи» — это слепок внутреннего развития человека. Но Гегель это положение поставил с ног на голову: мир «идеи» ведет историческое развитие человека.

Вместе с оформлением человеческого общества в мировое единение человечество осознало себя как систему, где однозначно были поставлены приоритеты:
— разумность происходящего;
— в центре мирового знания — противоречия;
— люди делают историю.

Эти положения в переложении во взгляде на человека означают:
— разум приоритетен;
— наличие в духе противоречий, проявляющееся в антагонизме чувств и разума;
— активность со стороны человека, субъекта духа.

Это сказала классическая философия. Но несмотря на то, что весь (нетрадиционный) путь философии — это попытка опровергнуть эти положения с крайних позиций, в конце концов они лишь углубились и обосновались ею.

То же самое происходит и в сегодняшнем состоянии философской мысли. Но теперь она живительные силы получает от конкретных наук, исследующих человека (психологии, физиологии, социологии). «Разумность идеи» показана физиологами. Именно естественнонаучные исследования показывают первичность «идеи» или активное начало субъекта духа. Физиологи отвечают на основной вопрос философии в пользу «идеи». Что

первично для организма: воздействие среды на организм или настроенность организма на восприятие этого воздействия? Несмотря на массу опосредованных моментов, напрямую не связанных с «голой» активностью, для организма, взятого в «чистом» виде, истинной является мысль: «Организм настраивается на восприятие во внешнем мире того, что является необходимым для его жизни»[1]. Органы чувств с соответственно «требуемой» информацией внутренней среды осуществляют взаимосвязь организма с внешней средой. Говоря языком физиолога: «Воздействия, доходящие до мозга из внешней (или внутренней) среды, падают на известное состояние готовности, присущее нормальной нервной системе. Это состояние активности коры регулируется постоянными воздействиями, исходящими из ретикулярной формации, которая обеспечивает тонус коры, находясь, в свою очередь, под постоянным регулирующим влиянием кортикальных воздействий. На почву этого активного состояния коры падает вся доходящая до организма информация»[2]. Физиологи утверждают, что цель — это духовное образование, которое уже имеется до получения информации из внешней среды.

Психика действует как единый механизм, обслуживающий установки. Об этом свидетельствуют исследования психологов А. Р. Лурия, П. К. Анохина и их последователей. Власть «идеи» над процессами информационного вхождения среды в организм и организацией действий по поводу удовлетворения «идеи» однозначно признается экспериментальными данными.

Для выражения интегрирующей роли психики психология в лице А. Н. Леонтьева выработала концепцию «образа мира». ≪Всякое актуальное воздействие вписывается в образ мира, т. е. в некоторое «целое»≫[3]. Эта концепция допускает возможность различных интерпретаций. Сравнивая публикации Е. Ю. Артемьевой, В. М. Величковского, В. П. Зинченко, С. Д. Смирнова, можно заметить, что в них понятие «образа мира» выступает в различных аспектах. Но во всех признание интегрирующей роли «образа» едино. Информация из внешнего мира через анализ постепенно превращается в образ. И сохраняет в нем все ценное из внешнего мира, но в преломленном через внутренние потребности виде. А внутренняя, духовная ценность (автор подбора информации извне) тесно связана с образом, она сама есть образ внешнего мира. Но это можно утверждать лишь в том случае, если рассматривать человека и его психику в «чистом» виде — человечество как одного совокупного человека. Индивид связан тысячами нитей с целым сообществом: он входит в социальное сообразно своему со-

циальному положению, воспитанию, возрасту и т. д. Именно эти моменты трудно учесть в экспериментальных исследованиях. Лишь все человечество, взятое в совокупности индивидов и как единый механизм, поддается логическому раскладу. Только с допущением равенства человечество=человек можно прийти к утверждению, что «идея» собирает информацию с внешнего мира и реализуется во внешнем мире. И она, «идея», ведет себя властно по отношению как к ощущениям, сенсорному восприятию внешнего мира, так и к реакциям и действиям: в первом случае — настраивая каналы на восприятие информации, во втором — контролируя выполнение плана «идеи». В иерархии психических явлений «идея» — «образ мира» — находится на вершине пирамиды.

А все это значит, что стремление к власти, пусть не очень явное, стремление к большему охвату сознанием бытия движет человеческими поступками. Дело не в том, что эта тенденция психики не отчетливо обозначена в одних типах, не сознается в других, интерпретируется неадекватно в третьих. Иерархия социальных взаимосвязей исходит из психологической предрасположенности к большему контролю над происходящими событиями. Мы исходим из того, что закономерность пронизывает все движения социальных сил. Весьма сложно вхождение психического в закономерный ход социальных процессов. И здесь мы приходим к уточненному понятию власти. Власть над думами, над мыслями современников — вот самая сильная форма ее проявления. Но подходы к ней известны только истории. История поступательна, по невидимым законам один вид философского знания подготавливает другой и является ступенькой для последующего взлета духа. Закономерность движения человеческой мысли (идеи) после Гегеля уже не может быть подвергнута сомнению.

Какие бы мысли нами ни владели, они точно выражают наши потребности, интересы. Интеллектуальные силы общества чаще уходят от грубо понимаемой власти. Исторически сложилось так, что великие умы, считая себя центром вселенной, беря на себя право распоряжаться идеей строительства разумного общества, не имели реальной власти. Но стремились к этому. Они владели самым главным — интеллектом эпохи. А это ценнее всех материальных благ.

Мы здесь говорим о цивилизованном понимании власти — что это как не путь к идее разумности и нравственности, которую нужно вывести за рамки сиюминутных интересов социальных сил? И что же это как не власть «идеи», когда личность

всю себя до конца отдает проникновению разумных идей в жизнь?

И здесь мы не можем не коснуться того положения, что структура социального обустройства иерархична. Социальные силы занимают разные уровни иерархии. На вершине пирамиды находятся власть имущие силы, у основания — занимающиеся грубым физическим трудом и т. д.

Не входя в сложнейшие взаимоотношения между социальными силами и слоями, мы можем отметить, что однозначным является то, что они занимают свое положение в пирамиде в зависимости от участия в воспроизводстве социальной жизни. Касаясь человеческой личности, мы должны констатировать, что это то, что в наибольшей степени способствует ее формированию. Какие бы мы ни подыскивали факторы формирования характера и динамики психических процессов, следует признать, что социальная значимость или степень интенсивности включенности личности в социальную парадигму отношений питает психику жизненной энергией. Это видимый канал.

Но более жесткой структурой противостоит ему другой — духовный. Он и является той неизмеримой величиной, путающей восприятие первой пирамиды отношений. Чтобы быть более логичными в высказываниях их, видимо, следует называть: горизонтальный и вертикальный. Вертикальная (духовная) пирамида имеет весьма строгую форму, и она в основном сформирована и не требует переделки. Над ней хлопотала история. Это духовная культура, ценностные параметры человеческих отношений. И духовная ценность человека определяется степенью сопричастности к ним, степенью вхождения в ценностную ориентацию. Они и открывают мощный информационный канал. Эта структура, скорее, связана с разумной стороной интеллекта. А горизонтальная (социальная) сфера отношений включает в основном эмоциональный уровень сознания: все подсознательные структуры с поверхностными слоями психики включаются в наличное бытие. Можно лишь предположить, насколько сильнее по своему воздействию на глубокую структуру самосознания вертикальная ветвь влияний, которую формировали многие поколения.

К высшему каналу информационного насыщения чаще обращаются от неимения социальных связей, удовлетворяющих духовную потребность самовыражения. Именно это неимение жизненных, реальных ориентиров, не важно по какому поводу они возникают (вернее, исчезают), заставляет обращаться к более мощному источнику энергии — вертикальному каналу.

Если проводить грубую аналогию психики с социальным обустройством, можно предположить, что у социальной пирамиды, как и у вертикальной и психической (нервной), основание должно испытывать различные и многообразные влияния. Так же как разнообразны впечатления и ощущения, сконцентрированные в «идее—цели», так же разнообразны и каналы осуществления и выхода в реализацию. Вершина же имеет стабильность, неумолимую детерминированность, закономерность. Несмотря на колоссальную разницу в размерах, составе, субстрате и содержании, следует отметить, что их объединяет способ совершения. Разные формы иерархий верны в тенденции, в форме. Так же как в воображаемом маятнике вершина фиксирована, и в ней колебания минимальны, как во внутренней структуре психики «цель» контролирует все процессы входа и выхода информации в психику, так в социальной и духовной пирамидах вершина устойчивее основания.

И здесь необходимо сделать вывод: вершины трех пирамид (психической, духовной, социальной) иногда могут совпадать. Стоит ли доказывать на исторических примерах факт совпадения внутреннего ощущения истины с духовными ценностями эпохи власть имущего. Но чаще совпадают лишь две: психическая и духовная. Социальная пирамида ведет себя загадочно по отношению к духовной: не всегда социальная вершина пирамиды несет в себе духовный потенциал нравственности эпохи. Противоречивый процесс, являющийся двигателем социального прогресса, духовную чистоту кладет у основания социальной структуры. Из низин, через тяготы жизни, через их осознание восходит личность до новых нравственных высот, временно возглавляя духовную иерархию человечества. Личность обладает такой волей к выражению новой духовной ценности, что иногда ценой смерти, но побеждает общепринятые нормы. Вероятно, в логике развития истории присутствует причудливое взаимодействие духа (психического, духовного) с общественно принятыми нормами (социальными), пока неподдающимися расшифровке. Понятно лишь одно: социальное преломляется в психическом, и внешняя необходимость переходит во внутреннее содержание личности и проявляется как духовная ценность.

Следовательно, человек не оторван от окружения не только на уровне элементарных потребностей, но и в духовных устремлениях самовыражения. И духовная жизнедеятельность также совершается в силовом поле соотношения организм — среда, пространственно-временного континуума пирамидальных соотношений. Зависимость организма от среды закреплена

во внутренних (психических) процессах, индивид включен в отношения социального целого, потребности развития которого приводят к осуществлению духовной ценности.

Мы сделали попытку объяснить субъективное не в противопоставлении к объективному, а как формы его проявления. Но конкретные проявления психического или духовного можно считать объективным процессом в том случае, если человек исследуется в наиболее абстрактном виде: как часть социального целого. Только в глобальном масштабе можно увидеть объективность законов субъективности.

Если брать личность как частичку общественного организма, находящуюся у основания общественной пирамиды, то мы обнаружим в ней большое количество степеней свободы. Но чем ближе мы будем подходить к ее вершине, тем больше жесткости, однозначности, объективности мы обнаружим в понятии «личностная свобода». Она становится нравственным императивом. Наиболее выдающаяся личность всегда имеет дело с такими высокими категориями жизнедеятельности, как нравственность, мораль, свобода, независимость. Подтверждается эта мысль не только вертикальной, но и горизонтальной взаимосвязью людей друг с другом. Вся возможная глубина личности объективно заложена через фило-, онто-, социогенез в психическом. Но реализация заложенных в психике возможностей действует не автоматически. Весь накал жизненных страстей, все возможности человеческого интеллекта и ума задействованы объективным законом включаемости социальных ориентиров в личностные параметры.

Противоречия двигают общественный прогресс. И личности включены в эту драму, в которой главным действующим лицом являются социальные силы, на гребне движения которых выходят на историческую арену выражающие их интересы личности.

Каждая личность в составе социального целого занимает свое уникальное место и включается в действие сообразно этому месту. Именно это обстоятельство приводит к колоссальной сложности проявлений закона в судьбах конкретных индивидов: чем ближе к основанию духовной структуры (пирамиды) находится индивид, тем больше разнообразных влияний испытывает его душа и больше вероятность случайностей. Лишь на самой вершине личность соответствует объективному закону. Но с прогрессом, с приближением к личностному этапу в развитии человечества исчезает и «видимость» структуры. Каждая личность становится самоценной сама по себе без постоянного соотнесения своих мыслей и чувств с духовным наследием человечества. Но к этому состоянию приводит опять же история

развития человеческого общества, когда сущностные силы человека исчерпают свое развитие как внешние, и не произойдет их интериоризация. В этом случае психическое каждой личности совпадает с духовным человечества, а социальная иерархичность теряет свою жесткость. И демократия становится требованием эпохи.

Таким образом, возвращаясь к началу статьи, можно отметить, что достижения классической философии подтверждаются нетрадиционным подходом к исследованию психики. «Разум» классики, совпадающий с «образом мира» современных психологов, не только держит всю психику под контролем, но и сам оказывается автором информации извне — обладает активным началом. И противоречие, видимо, находит свое место в душе каждой личности, в глубинах рождения «образа мира». И ответ на извечный вопрос смысла бытия наполняется сугубо личностной окраской и оценкой, тем самым становясь ближе к истине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971. С. 28.
2. Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. М., 1970. С. 133.
3. Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв. М., 1983. Т. 2. С. 260.

Удмуртский университет
Институт человека

А. С. Крылова

ВОСХОЖДЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ ДО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ «СЧАСТЬЕ» ИЛИ ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ «Я»

Производительное отношение человека к природе — это основная и самая видимая часть всех соотношений человеческого организма и среды. Производство материальных благ распределено на мельчайшие этапы, блоки, разделы. Но все они — суть звенья одной цепи, берущей начало от биологического чувства самосохранения, являющегося биологическим императивом всех существ. Механизм общественного разделения труда принадлежит области биологического воспроизводства человека. Воспроизводство означает необходимость удовлетворения потребности, нужды, которая возникает в результате траты жизненной энергии. Как бы ни разрастались потребности, они исходят от основных данных минимума биологического сохранения человека. Основное в потребности — это энергия, которую должен иметь организм, чтобы ее (потребность) не испытывать. Только понятие «энергия» позволяет все виды элементарных нужд свести к одной определенности — единому. Целый комплекс всевозможных природных «услуг» становится возможным выразить в понятии «энергия». Например, если основную энергию организм получает через пищу, то сохранение температурного баланса, соответствующего средним данным условий выживания, обеспечиваемых жилищем и одеждой, препятствует растрате энергии.

Качественная протяженность биологической энергии, необходимой человеческому организму, и определяет способ удовлетворения потребности — собственно человеческий способ жизнедеятельности. Исходный рубеж активности организма — это потребность. Основной цикл жизнедеятельности умещается в рамки удовлетворения элементарных нужд.

Качественные параметры потребности биологического вида и определили дальнейшее историческое развитие, расщепление акта удовлетворения потребности на мельчайшие этапы — расширение и углубление цикла удовлетворения потребности. Спонтанно совершающийся природный процесс далее разросся в общественную систему. Необходимость удовлетворения элементарных нужд (потребности в энергии) находится в основе всех видов сложных (информационных) взаимоотношений че-

ловека и среды. Эволюция животных до нового качественного уровня человеческой потребности задает тон истории. И по логике следует предположить, что человек есть качественно высший уровень организации материи, через который проходит качественно иной, более высокий по качественному уровню состав веществ. А каков критерий этого качества? Это особое исследование и компетенция другой науки — биологии. А задача философии через исследования на стыке с биологией прийти к этому положению, не противореча логическим установкам.

Только потребность, ее расщепление на этапы может быть исходным пунктом биологической активности человека.

Все вышесказанное так очевидно, что не вызывает сомнений. Но встает вопрос (из-за чего мы и начали наше исследование): можем ли мы на биологической определенности «потребность» построить линию духовного взлета и роста интеллектуальных способностей человека, не предполагая в рождении духа вмешательства неземных сил.

Мы, осознавая насколько глобальна проблема, считаем, что вряд ли уместно рассматривать ее в таком широком значении. Но все же через ряд общепризнанных фактов мы попытаемся пробраться к однозначному взгляду на эту проблему.

Итак, начнем с очевидных фактов, не требующих доказательств: физиологическая активность биологического вида — человек — идет от потребности по удовлетворению заложенной во внутренние данные идеи выживания. А пассивность наступает при временном снятии этой глобальной тенденции.

Так же как в животном мире от наличия или отсутствия потребности зависит смена состояний (пассивность—активность), видимо, и человек тоже основывает свою жизнедеятельность на обеспечении организма минимумом энергии, удовлетворении потребности выживания вида, имманентного организму.

Поскольку процесс траты энергии организмом постоянен, следовательно, организм вынужден постоянно восполнять ее из внешней среды; возникает и усовершенствуется организация процесса добывания пищи. Активность по отношению к природе исходит из необходимости добывания средств для жизнедеятельности, и ее тонус понижается лишь по мере удовлетворения. Полное удовлетворение ведет к расслабленности, покою, гармонии. Человеческая природа приходит в равновесие. Это биологическая форма исполнения биологической «цели». И это стремление к расслабленности имеет такую степень физиологического благополучия, какая выдержит исторический подъем к «счастью».

Потребность, организующая всю деятельность нервной системы, имеет стадии своего разворачивания во внешней деятельности (как, впрочем, и во внутренней): поиск средств удовлетворения потребности; процесс обрабатывания природных ресурсов в целях создания продуктов питания; акт приема пищи и т. д. И поскольку все физиологические процессы сопровождаются психическими актами, уместно поставить вопрос напрямую: не являются ли психические акты физиологическими процессами на более высокой стадии своего развития, возникающие на почве и в ходе постоянно совершающегося цикла, связанного с потребностью? Не являются ли психические процессы мельчайшей стадией биологического цикла, развитой его ступенью?

Итак, потребность находится на нулевой отметке при равновесии параметров среды и организма. Это состояние должно быть исходным рубежом всех процессов, происходящих в организме, результатом, к которому должен стремиться организм, если угодно — целью. Это есть такое состояние, когда организм и среда находятся в мире. Но это нулевое состояние «идеально», трудно достижимо, мимолетно из-за того, что энергия постоянно уходит из организма. Не будем вдаваться в подробности формирования потребности и организма, в то, какие факторы среды в какие алгоритмы организма превращаются. Но однозначно, что организм, вписываясь в среду, становится проводником проходящих через него потоков энергии. Только таким образом продолжается жизнедеятельность: обмен веществ непрекращаем.

Результат, достигнутая цель, покой, расслабленность — равновесие между средой и организмом — есть самая высшая точка энергетического равновесия организма и среды. Расслабленность, состояние покоя — вот те параметры физиологических механизмов, находящиеся у основания взлета духа. Но даже при полном покое потоки энергии уходят из организма, и наступает энергетическая нехватка. Возникает беспокойство, нервозность, что приводит к действиям по их устранению, «претензиям» к внешней среде. Физиологические состояния активности являются основой любых форм действий: поиск предмета потребности, орудия добывания пищи, познания свойств природы и т. д., приводящие в конце концов к нахождению или к созданию предмета потребности и завершающиеся удовлетворением потребности, получением веществ природы, т. е. энергетическим равновесием с природой.

Далее наступает стадия расслабления. «Напряжение — расслабление» — физиологическая картина состояний, имма-

нентно входящая в структуру отношений глобального порядка организм—среда. Но состояние расслабления находится в привилегированном положении по отношению к напряжению. Оно есть-то, к чему стремится напряжение.

Каков бы ни был расклад общественного разделения труда, он должен исходить из потребности и различных ее моментов, ведущих к сохранению минимума энергии для биологического выживания.

Но возникает ситуация, когда в общественной жизни намечается новый виток распределения активности: возникает особая ветвь распределения разделения труда. И только умственный труд раскрывает вполне понятие «расслабление». Сугубо человеческий оттенок понятия заключается в том, что «расслабление» как результат-цель, то, к чему стремится система, обнаруживает свою двойственность. «Расслабление» главенствует над напряжением не автоматически, а сложно опосредованно. Чисто животный, начальный его смысл уступает место проявлению биологической оригинальности человека в общественной значимости.

В зрелом своем состоянии трудовой процесс (как внешнее разворачивание внутреннего напряжения) исторгает из себя более сложную свою часть — умственное овладение ситуацией. Стадия напряжения чисто в человеческом измерении имеет две части. Только в состоянии, близком к животному, стадия напряжения не различается. В начале своего разворачивания состояние напряжения объединяет свои компоненты без их различения. Далее в результате исторического разворота внутренняя двойственность напряжения раскрепощается, отдельно выделяется стадия, связанная с выявлением цели. Связи общественного организма с природой, усложняясь, выходят за рамки интуитивного, биологического состояния. Возникает целая отрасль выявления, поиска потребности—гармонии—расслабления. Выходя из начального состояния, стадия поиска, обнаружения цели, когда-то находившаяся во внутреннем, неразвернутом состоянии, превращается в общественно развернутую систему. Возникает и особо выделяется умственный труд. Так обнаруживает себя двойственная сущность стадии напряжения, относящаяся к потребности.

Отсюда следует, что цель—гармония—расслабление, хотя и изначальны, но снабжены особым механизмом собственного обнаружения: все нервное обеспечение центрального представительства природы в организме имеет выходные и входные каналы, а также сложнейшие переплетения одних с другими. И процесс обнаружения цели на стадии социального развития

становится непростым делом, когда императивом выживания овладевает социальный организм. Как стадия удовлетворения потребности превращается в промышленность, так стадия внутреннего обнаружения потребности превращается в науку.

Расслабленность (раскрепощенность), цель, результат являются «органом», «субъектом», диктующим поведение. Это — ощущение самодостаточности, истинная сущность психики. К этому состоянию стремится вся история общественного человека, включая и поведение индивида. Но оно приходит закономерно как результат исторического движения. Сначала к этому состоянию приводит удовлетворение потребностей и получение удовольствий биологического направления. Эта самая низкая и первая стадия расслабленности. Удовольствия — чувственная сфера «согласия» организма и природы во внутреннем выражении. Это соединение механизмов приведения в равновесие с механизмами обнаружения успешности усилий по приведению в равновесие. Так как именно в этой центральной части расположен результат биологической эволюции (наметки того, что должно быть развернуто во внешнем), заложенный закономерной стихией природных сил вовнутрь человека, то он начинает диктовать ориентиры выживания, поведения, поэтому деятельность, активность, поведение должны исходить от «цели». Это внутренний орган, контролирующий все поведение, является идеальным образом «цели» (реально его еще не существует). Образ устремлен в будущее.

В течение всего социального самосуществования состояние самодостаточности связано с будущим. И поэтому образ «цели» разорван внутри с самим собой. Он (образ) идет от настоящего в построении образа будущего состояния, не зная заранее точных параметров будущего. Получаемое всегда отличается от желаемого.

Первый элементарный уровень удовлетворения благ выражает великий закон человеческой жизни — достижение биологического равновесия. Адекватность заказа и результата приводит к стадии расслабления (к эффекту счастья, носящего чисто биологический характер). Ее изначальная обремененность психологизмом (видимо, эмоции у животных являются основанием, прообразом человеческой психологии в большей степени, чем умение мыслить) создает напряжение стремления к будущему, цели расслабленности и является силой, выносящей во внешнее другую, деятельностную, силу, которая преобразует внешнее.

И совсем не безличный, безымянный закон движет как развитием производительных сил, так и развитием производствен-

ных отношений и духовности. Закон их соответствия сам опирается на более всеобъемлющий, основательный, глобальный закон выхода наружу возможностей биологических параметров физиологической эволюции и полного их разворачивания во внешнем. И сила, обусловившая накал разворачивания, определена в биологических параметрах выживания человеческого организма. Это есть прорыв физиологического к психическому осуществлению. И поскольку физиология выхода во вне создает внешние механизмы удовлетворения потребностей (промышленность), а также орудия, методы и приемы обнаружения потребностей через познание законов окружающей среды (науку), то она прежде всего мощный прорыв в родственный по содержанию «материал» — в психическое, в другого человека. И выход на этот объект возможен через общественные отношения. Но это внешний путь проникновения физиологического в психическое. А есть внутренний путь для социального (форма движения социальной материи): выход внутренней логики мышления во внешнее свое оформление, в форму информационного общения людей друг с другом. Но информация — это лишь форма, прием, способ вхождения психического в другой человеческий интеллект через социальное пространство (социальное общение, как мы понимаем, — это передача информации поколениям через социальное пространство и время). На этой ступени развития настолько усложняются отношения внутри системы организм—среда, что энергетический принцип взаимоотношений как будто теряет свое значение. И лишь на высокой стадии развития общества, когда общественные достижения переходят в равноправные человеческие отношения, становится возможным увидеть в убеждениях, мыслях, идеях, главенствующих в обществе и переходящих в индивидов, связь с духовными ценностями — концентрированной формой энергии. Интеллектуальные акты — это лишь новая форма организации психической и физиологической деятельности или прохождение через организм более насыщенной эрнергии. И знание как форма накопления опыта поколений становится концентрацией энергии, затраченной человечеством на его добывание. Пользование им формирует сознание индивида через умение выдерживать новый вид напряжения. Этот новый вид энергии — информация — несет в себе больше напряжения, концентрации, обладает высоким темпом, скоростью прохождения мыслительных процессов. Мыслительные акты, совершающиеся в знаковых вариантах, являются в принципе такими же физиологическими процессами, но более информационно насыщенными и включающими в себя в снятом виде социальный опыт развер-

тывания своих отношений с миром в социальном пространстве и времени.

Личностная связь людей друг с другом, непосредственное проникновение одной психической энергии в другую психическую реальность обладает огромной силой воздействия. И наивысшей степенью проявления вхождения внутреннего во внешнее — психического в другое психическое — является чувство любви. Только любовь в наибольшей степени раскрывает каналы выхода энергии во внешнее, психическое пространство. Односторонне направленная энергия чувства претендует на ответность — поддержку, получение энергии с другого полюса отношений. Чувства — высочайшая стадия как потери энергии, так и ее приобретения. Любовь выводит во внешнее созидающую, облагораживающую силу. Отношение к человеку восходит до своей высшей стадии. Это новый вид расслабленности — непосредственная форма встречи каналов действия и получения в цели. Это новый вид свободы и счастья.

Но сильнейшая форма выхода психической энергии вовне, утонченная ее форма по логике стремится распространиться на большее пространство. Через любовь ко всему миру приходит осознание ее как высшей сущности и принадлежность к ней не может не привести к уважению, к собственным чувствам и мыслям. Логический путь разворачивания отношений приводит к новому витку напряженности энергетических затрат, к тесному непосредственному соединению двух разнонаправленных тенденций в едином акте творческого осознания всего происходящего вокруг, Творческое отношение к миру далее может перейти в постоянно действующий механизм личностного восприятия мира и выдачи уникального отношения в окружение. Это высший вид расслабленности. И только на этом этапе соотношений организм — среда в соединении с идеей наличия противоречивого нервного его закрепления постепенное превращение физиологических актов в психические и происходит постепенное превращение биологического процесса приведения организма в равновесие в автономно действующий механизм.

Удмуртский университет
Институт человека

А. К. Вайтуков

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛИ: ПРОЯВЛЕНИЕ МЫСЛИ, СОЗНАНИЯ, «Я»

Свобода предполагает разум и волю.
Локк. «Опыт о человеческом разумении» [1]

Предметом данного философского исследования выбран феномен человеческой воли. Этот выбор обусловлен интересом автора к проблеме взаимодействия Человека и Среды, к тому таинственному «механизму», через который осуществляется переход из глубин внутреннего человеческого мира, его микрокосмического «я», его духовной Вселенной во внешние просторы земного бытия, из субъективности в «объятия» объективной реальности и повседневности.

Анализ и сущностное определение этого «механизма» — человеческой воли — позволили бы пролить в какой-то мере свет понимания на самые скрытые от рационального познания вопросы, например, сущность человека, смысл его существования, качественность духовного, преодолев так часто встречающиеся в их анализе спекулятивность и субъективизм.

Кроме того, вскрытие каких-либо сущностных закономерностей функционирования воли человека, именно на философском уровне, может предоставить в распоряжение самопознающему субъекту надежное средство самосовершенствования и самореализации.

Обращение к традиции, к сожалению, выявляет следующее: первое — наличие взаимоисключающих позиций в подходах к рассмотрению феномена воли, детерминизм и индетерминизм; второе — отсутствие сущностного определения воли и наличие описательных дефиниций; третье — для отечественной традиции последного периода характерен психологический редукционизм; четвертое — наличие культурно-языковых особенностей и ограничений, которые сказались на анализе феномена человеческой воли в западной философской традиции.

Эти и некоторые другие причины и вызвали стремление провести данное исследование не в историографическом, а в феноменологическом плане, дополненном этимологическими изысканиями и материалами.

Итак, ВОЛЯ как феноменальная характеристика человеческого «Я» предстает перед нами в двух типичных выражениях,

которые можно представить как два модальных состояния нашей субъективности: первое — «я хочу»; второе — «я должен». Очевидно, что эти состояния, чередуясь, составляют неразрывную ткань той реальности, которую мы обозначаем термином «ВОЛЯ».

Отсюда следует, что ВОЛЯ является неотъемлемым качеством Человека, атрибутом нашего «Я»; когда нет «я хочу», есть «я должен», когда нет «я должен», есть «я хочу» или они сливаются. Даже в состоянии атараксии присутствует волевая предустановка и напряженность: я хочу (или я должен) ничего не хотеть. И субъекту в этой ситуации еще приходится дышать и сохранять какое-то положение, т. е. в действительности иметь модальное состояние «я должен».

Поэтому первое, что обнаруживается при оценке этих состояний это то, что модус «я хочу» является для субъекта комфортным, а модус «я должен» — дискомфортным. Причина этого вполне определенна: состояние «я хочу» оценивается субъектом как собственное, внутренне порожденное, экзистенциальное; состояние же «я должен» как чужое, внешнее давление или воздействие, которое субъект вынужденно принимает, которому он подчиняется. Или иначе: модус «я хочу» выявляет свою волю субъекта, а модус «я должен» выявляет чужую волю, исполнять которую субъект соглашается.

Теперь становится ясным, что и концепции детерминизма и концепции индетерминизма проходят мимо того факта, что Человек пребывает с первого и до последнего мгновения своей жизни в состоянии конфликта, борьбы. «Я хочу» формируется в субъективности, а «я должен» источником своего возникновения имеет внешнюю, объективную реальность.

Предельность этого конфликта для Человека можно выразить в следующей контрпозиции: «Я хочу жить!» — «Я должен умереть!»

Человек и Среда, человек и мир, в котором он живет, не совпадают, трагически не совпадают. Сталкиваются в борьбе ВОЛЯ Человека и ВОЛЯ «мира сего».

Дальнейшее исследование связано с анализом семантических конструкций, отражающих феномен человеческой воли и позволяющих зафиксировать достаточно точно качественные характеристики, свойства данного атрибута и его ральность.

Такие выражения как «сильная воля», «слабая воля», «сила воли», «отсутствие силы воли» показывают, что ВОЛЯ выявляется как некая сила, энергия, актуализирующая «Я» человека. Переход из субъективного, внутреннего во внешнее, объектив-

ное, из потенциального в актуальное бытие связан с приложением «усилия воли», с энергетическими затратами.

Следующий подбор выражений — «воля к победе», «воля к власти» и т. п. — свидетельствует, что ВОЛЯ в своем выявлении имеет всегда некую направленность, цель реализации человеческого «Я». ВОЛЯ проявляется как выбор, как акт выбора.

Обратим особое внимание на выражения «добрая воля» и «злая воля». ВОЛЯ, оказывается, есть моральный феномен, т. е. принадлежащий духовному, а не телесному. ВОЛЯ человеческого «Я», таким образом, несколько отличается от ВОЛИ человеческого тела. Несомненно, что между «Я» субъекта и его телом, именно в отношениях «я хочу» и «я должен», можно наблюдать конфликты и борьбу почти как постоянное явление.

Значение конструкций типа «закалять волю», «приобретать волю», «укреплять волю», «воспитывать волю», «потерять волю», «сломленная воля» указывает на то, что человеческая воля как качество изменяемо, и имеет не только содержательные, но и объемные, масштабные характеристики, если учесть и выражения «огромная воля», «большая воля» и т. п. Здесь и можно увидеть в ВОЛЕ то средство, тот решающий элемент, который позволяет человеку искать путь к разрешению конфликта к своему благу.

И наконец, прежде, чем перейти к обобщающим и определяющим частям нашего исследования, остановимся на том, что обнаруживается в выражении «желать можно все». Воля человека не в спекулятивном, а в действительном плане фиксирует потенциальное, которое скрыто в глубине человеческого «Я», в его сущности указывает на универсальность человеческой сущности, на ее космичность. Правда, до сих пор это указание в большинстве случаев остается символическим и невостребованным.

Отношение «я хочу» пока еще не победило отношение «я должен» в своем предельном для этой реальности противостоянии.

Расширим теперь наш анализ феномена человеческой воли этимологическим материалом.

Как уже отмечалось выше, постижение ВОЛИ в рамках западноевропейской традиции оказалось ограниченным из-за культурно-языковых особенностей.

Философское понимание от Платона до, вообщем-то, сегодняшнего дня охватывает волевую реальность именно в этом формальном плане, не проникая в сущность, онтологию ВОЛИ, заменяя вопрос о сущности вопросом о содержании, что, конеч-

но, сразу делает разработку проблемы волевой деятельности человека спекулятивной и субъективной.

Привлечение материала русского языка почти мгновенно решает проблему сущности ВОЛИ. Синонимом слова «воля» в русском языке является слово «свобода». ВОЛЯ есть свобода при условии ее проявления через модальность «я хочу», т. е. как «моя собственная воля».

Реальность свободы субъекта оказывается тождественной объему его желаний, которые он волен осуществлять в действительности. Итак, в онтологическом плане ВОЛЯ (ее сила, объем, содержание, качественность) и означает СВОБОДУ (ее объем, ее содержание, ее качественность) субъекта, как индивидуального, так и коллективного.

Круг тех «я хочу», которые субъект волен реализовать, и дает круг его свободы, а круг тех «я должен», которым он подчиняется, и означает круг его несвободы.

Сразу, конечно, отметим, что ВОЛЯ как СВОБОДА понимается не в плане вульгарного «что хочу, то и творю». Безусловно, что СВОБОДА осуществляется лишь через ИСТИНУ, т. е. ВОЛЯ онтологически неразрывна с разумностью. Воля, не связанная с разумом и осуществляемая через ложные отношения, дает лишь явление «слепой воли», которое неизбежно завершается самоуничтожением субъекта, демонстрировавшего ее.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными» [2]. Более авторитетное мнение вряд ли можно привести.

Добавим следующее: «слепая воля», т. е. неразумное или неосознаваемое в координатах «истина—ложь», «добро—зло», хотение или желание, делает субъект зависимым в поведении, и его состояние приобретает характеристику марионеточного, ибо, как правило, источник, порождающий данное веление, находится за пределами собственного «Я» субъекта, его сущности: чужой пример, стереотипы массового поведения, «эффект толпы», потеря самоконтроля в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, психического заболевания.

Общий вывод: ВОЛЯ ЕСТЬ «МЕХАНИЗМ», ВОСПРОИЗВОДЯЩИЙ ОТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА (Или индивидуального, или коллективного субъекта).

Дадим теперь описание действия этого «механизма», т. е. логику проявления этого качества нашего «Я» в действительности, в актуализации.

Первый этап: поступление информации (появление мысли) в сознание субъекта о возможной форме реализации.

Второй этап: оформление информации (или мысли) в желание через модус «я хочу» или в требование через модус «я должен».

Третий этап: акт выбора и санкции со стороны «Я» субъекта на исполнение желания или требования.

Четвертый этап: силовая (энергетическая) напряженность — «усилия воли», которая ведет всю работу субъекта до момента завершения процесса реализации, т. е. достижения цели, или до момента замены прежде выбранной цели на новую.

В модальном состоянии «я хочу» вся работа ВОЛИ осуществляется в комфортном режиме или атмосфере. В модальном состоянии «я должен» — в дискомфортном.

Очевидно, что в воле субъекта выбирать себе то или иное состояние модальности волевой деятельности. И эффект этой смены, видимо, дает поразительные результаты, если учитывать при этом направленность всей работы волевого механизма.

Все, что творит человек в себе и вокруг себя, связано с проявлением воли. И творчество это в сущностном, онтологическом плане означает творение СВОБОДЫ, которое осуществляется в условиях постоянного конфликта, борьбы с миром необходимости и несвободы, и поэтому часто искажается или сводится к противоположному в тех случаях, когда субъект не просветляет свою волю познанием истины и добра.

Теперь подведем итоги нашего исследования феномена человеческой воли.

Первое: ВОЛЯ есть атрибут человеческого «Я».

Второе: ВОЛЯ делает человека универсальным явлением, демонстрируя потенциальную сущность как космическую, стремящуюся к абсолютности.

Третье: ВОЛЯ по форме есть желание или хотение — модус «я хочу», или согласие с чужим желанием или требованием в отношении нашего «Я» — в модусе «я должен».

Четвертое: ВОЛЯ по содержанию есть осознанный нашим «Я» и согласованный с нашим «Я» выбор формы реализации нашего «Я» и особые усилия нашего «Я» — «усилия воли», поддерживающие процесс этой реализации.

Пятое: ВОЛЯ по сути (в онтологии) есть «механизм» воспроизводства отношений СВОБОДЫ для нашего «Я», непосредственная актуализация нашего «Я» в объективной реальности как духовной сущности.

Именно данное понимание сущности и содержание ВОЛИ, наконец, прекращает вековой спор о свободе человеческой воли, который оказывается был вызван затруднениями, обусловленными культурно-языковыми особенностями.

Выражение «свобода воли» оказывается тавтологией и в формальном, и в содержательном планах, а «свободное хотение» — нонсенсом при психологическом анализе. Ибо уже появление «я хочу» — это самостоятельный акт выбора, производимый субъектом, что является фактическим доказательством автономности человеческого «Я» и его сущностной свободы.

Другое дело, что СВОБОДА или ВОЛЯ человека сталкивается в смертельном конфликте с ВОЛЕЙ объективной реальности земного мира, и до определенного момента она вынуждена подчиняться и смиряться с противоречивостью и непоследовательностью последней.

Не «воля к власти» [3], а стремление к свободе, которое и есть ВОЛЯ, составляет изначальную, сущностную основу любого человеческого «Я».

«ВОЛЯ к власти» приемлема, но с поправкой, что это — воля к власти над собой, а не над другими, тем более, если власти придать характеристику абсолютной.

И теперь возникает такой вопрос: познание какой истины и ее актуализация через «механизм» ВОЛИ позволило бы человеку стать абсолютно свободным?

Оставим этот вопрос открытым, т. к. его масштабность и значимость не соответствуют уровню данной рационализации. Постановка вопроса вызвана стремлением зафиксировать логическую завершенность вышеприведенных рассуждений и указать перспективу дальнейших поисков.

В заключение нашего исследования феномена человеческой воли отметим и функциональную нагрузку, которую несет этот «механизм»: через ВОЛЮ актуализируется контроль духовного над телесным, субъективного над объективным, внутреннего над внешним, человеческого над человеческим.

ВОЛЯ в своей функции оказывается ВЛАСТЬЮ. Таким образом, «воспитание» воли, ее укрепление и усиление и есть укрепление и усиление власти нашего «Я» над тем, что ускользает от нашего «Я» под влиянием «воли обстоятельств»: над здоровьем, молодостью, радостью и удовольствиями, а в итоге — над всей нашей жизнью.

Общий итог: ВОЛЯ как реальное качество человеческого «Я» фиксирует с очевидной достоверностью, а не со спекулятивной умозрительностью и субъективизмом «чистого сознания» тот факт, что человек, в сущности, есть самоопределяющийся и автономный субъект, чье бытие проходит в экстремальной ситуации конфликта с ВОЛЕЙ среды (природной и социальной).

ВОЛЯ свидетельствует также, что человек в потенциальной своей сущности представляет собой универсальный и космичный мир.

И, наконец, ВОЛЯ как единственный данный человеку «механизм» воспроизводства отношений свободы в объективной реальности в соединении с Разумом, постигшим истину, предполагает возможность обретения человеческим «Я» не умозрительной, а реальной свободы и власти над обстоятельствами повседневности.

И окончательный вопрос о свободе Человека будет решен тогда, когда в его ВОЛЕ будет находиться реальная и очевидная возможность приобрести бессмертие, т. е. иметь для себя бесконечный выбор форм реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Локк. Соч. М., 1985. Т. 1. С. 289.
2. Евангелие от Иоанна. Гл. 8. Стих. 32.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра//Соч. М., 1990. Т. 2. С. 81—82.

Удмуртский университет

А. А. Пищулин

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА
(Философско-экономический подход)

Свобода! Как часто мы слышим это слово и почти не задумываемся, какое понятие стоит за ним. Нет, наверное, более размытого и противоречивого понятия, которое обозначается этим словом. Понимание свободы является фундаментом для политической и жизненной позиции каждого, но на практике сначала создается политическое учение или философская система, и только потом выводится понятие свободы, а вернее, подгоняется под готовое мировоззрение. «Старый, но вечно новый вопрос о свободе и необходимости... как сфинкс, говорил каждому мыслителю: разгадай меня, или я пожру твою систему» (Г. В. Плеханов).

Я рос на улице Свободы, и в раннем детстве мне не давал покоя вопрос, что же такое свобода. Ответы взрослых меня не устраивали, они все были разные и противоречивые. Каждый новый ответ только обострял интерес к названию моей улицы. Не знаю, чем бы это кончилось, но когда мне исполнилось десять лет, моя семья переехала в другой район, и интерес к свободе временно угас. С новой силой он вспыхнул лет через десять, но в этот раз искать ответ на него я стал в трудах философов. Потратив не один год, изучив немалое количество книг, так и не нашел в них вразумительного ответа, хотя мудрого о свободе сказано даже слишком много.

Чем дальше я углублялся в философию, тем больше замечал ценность моих детских рассуждений о свободе. Во-первых, они были непредвзяты, во-вторых, основывались на понимании свободы простых людей, и самое интересное, я не смог, хотя очень старался, опровергнуть их философии. Более того, философия преобразовывала их в цельную теорию о свободе, которую я хочу предложить вашему вниманию. Для начала хотелось бы отрешиться от двух философских формул, чтобы в дальнейшем о них не спотыкаться. Первая — «свобода воли».

С появлением религии встал перед людьми парадокс, острота которого до сих пор мучает философов и теологов. Его суть в следующем: бог всемогущ, и все происходит по воле божией, а следовательно, человек ни за что не несет ответственности, либо человек свободен и ответственен, а бог не всемогущ. Для того чтобы разрешить этот парадокс, было найдено понятие «свобода

воли». Многие мыслители понятие свободы заменили проблемой свободы воли, которая есть лишь проблема греха, зла, ответственности человека перед богом за содеянное.

Вторая — «свобода и необходимость» — сфера, где непрестанно упражняются разного рода формально абстрактные метафизики, «движимые мифологическими страстями» (А. Ф. Лосев). Эта формула, как сфинкс,«пожирает» каждую диалектическую систему, в которую попадает, являясь диалектикой на столько, на сколько свобода равна случайности, т. к. необходимость существует только в противоположности к случайности. Диалектик, использующий эту формулу, незаметно даже для себя в своих рассуждениях подменяет свободу случайностью. Правда, есть исключения, когда в начале исследования мыслитель оговаривает, что «необходимость есть чужая воля», а следовательно, свобода есть только моя воля. Чужая воля — то, чему я подчинен, моя воля — то, что мне подчинено. В этом случае встает вопрос о собственности, что может быть подчинено мне и почему? Только моя собственность или что-то благодаря имеющейся у меня собственности. «Собственность — орудие свободы для действия в мире» (Н. А. Бердяев).

1. Свобода и собственность

Для того чтобы начать изучение понятия, надо выделить его из других, найти в «чистом» виде, т. е. найти абсолют. В нашем случае, нам нужен человек, который, если не абсолютно, то хотя бы максимально свободен.

Распространено мнение, что максимально свободный человек тот, который ушел от общества, стал отшельником. Но такие люди не освобождаются от огромного социального опыта, правил, привычек, предрассудков, накопленных человечеством. Каким бы свободным себя не считал отшельник, его жизнь все равно регламентируется этим багажом. А потому для абсолюта нам нужен «отшельник», никогда не знавший общества. Но такой человек без посторонней помощи существовать не может, следовательно, мы вынуждены отказаться от абсолюта и взять человека максимально свободного от социального «багажа» — первобытного человека, живущего вне общины.

Этот человек максимально свободен, а от чего? Да только от своей собственности, но максимально не свободен от природных условий (атмосферных явлений, хищников, добывания пищи и т. д.). Эта несвобода ставит человека на грань жизни и смерти. Изгнание из общины было самым тяжким наказанием для первобытных людей. «Максимальная свобода есть макси-

мальная необходимость (не-свобода)». Свобода от своей собственности есть зависимость от чужой воли. Человек, чтобы выжить, стремится освободиться от этой зависимости. Приобретая первые орудия труда, он ненамного освобождается от нее и одновременно становится зависимым от своего приобретения. В дальнейшем он приобретает жилище, скот, начинает обрабатывать землю, и с каждым новым приобретением он становится свободным от чужой воли и одновременно несвободным от своей собственности.

Движение от свободы, от своей собственности к свободе от чужой воли (чужой собственности) и есть развитие. Это все элементарно просто, даже банально, здесь нет ничего мудрого, и, возможно, поэтому философия (любомудрие) не желает это замечать, устраивая бесконечные споры: причиной или результатом развития является свобода.

Ребенок, появляясь на свет, максимально несвободен от окружающих его людей, предметов и максимально свободен от своей собственности. В процессе своего развития стремится к противоположному. Одна свобода была причиной, а другая стала результатом развития. Если бы философы замечали такие немудреные истины, то философское наследие было бы довольно скромным.

В этом наследии немало определений свободы: «свобода — это познанная необходимость», «свобода — это отсутствие препятствий на пути движения», «свобода в выборе» и т. д. В доказательстве этих определений всегда присутствует в замаскированном виде собственность. Попробуем рассмотреть это на элементарной «робинзонаде». Я нахожусь в комнате, в которой есть окно и открытая дверь. Допустим, у меня только в эту секунду появилось сознание, и я не знаю необходимости выхода из комнаты через дверь. Я хочу идти прямо, но на пути стена (препятствие). Побившись о нее как муха о стекло, случайно попадаю в дверь, обойдя стену в нужном мне направлении. То есть, я познал необходимость выхода из комнаты через дверь. Благодаря познанной необходимости преодоления препятствия на пути движения, я стал свободен от стен этой комнаты.

На первый взгляд, в этой ситуации свобода независима от собственности, но присмотримся. Для познания необходимости необходима собственность — мозг, память, само познание необходимости есть приобретение мной собственности, дающей мне свободу. На действие я трачу некоторое количество собственной энергии и времени. Для выхода из комнаты мне нужна такая собственность, как мои ноги, да и многое другое. Я

имею материальное тело, и обладание этой собственностью не дает мне пройти сквозь стену, оно же выбирает: выйти мне в окно и разбиться, т. е. лишиться всей моей собственности, или стучаться лбом в стену, или выйти в дверь...

А что заставляет меня двигаться? И что, вообще, есть самодвижение? Я живу, а значит, постоянно двигаюсь в пространстве и времени. А двигаться я могу, только затрачивая свою собственность, которая небесконечна: если ее не пополнять, она кончается, и субъект исчезает. Это и заставляет меня действовать так, а не иначе, затрачивая свою собственность для приобретения еще большей собственности. Неважно, что человеком руководит — разум или инстинкты бог или черт. Причины любого действия (или комплекса действий) человека, да и всего живого — это необходимость пополнения своей собственности.

...Но все-таки я решил покинуть дом, чтобы стать свободным от него. Хорошо! Свобода! Только вот одежда сковывает, но освобождаться от нее что-то не хочется — холодно. Если освобожусь от одежды, стану несвободным от холода. Да и в дом пора вернуться, дождь начинается, дом меня от непогоды спасает. Освобождаясь от собственного дома, я становлюсь несвободным от природных условий, квартиродателей и т. д. А приобретая дом, я освобождаюсь от них, но одновременно становлюсь несвободным от дома: его необходимо содержать, охранять и т. п., «если у вас нету дома, пожары ему нестрашны». Отсюда следует: по мере увеличения свободы от одного прямо пропорционально растет несвобода от того, благодаря чему она была достигнута.

Все, что изложено здесь практически не противоречит ни одной из философско-экономических систем, и не потому, что стоит выше философии и экономики, а, наоборот, является как бы «предфилософией», хорошо известной в народной мудрости и не понимаемой философской.

2. Собственность и ее ценность

Чтобы понять до конца, что такое свобода, надо познать ее противоположность — несвободу. Последнюю создает собственность, к которой относится все, от чего человек (субъект) может быть несвободен. Но собственность не бывает своя и чужая (субъективная и объективная).

В ряде философско-экономических трудов прослеживается мысль, что беззаконие — это не есть свобода, а есть «смесь свобод и несвобод». В любом объединении, будь то первобыт-

ное племя или современное государство, существуют общественные законы, которые из этой «смеси» выделяют свободу и несвободу. Закон и есть выделенная из «смеси» несвобода. Закон есть форма, содержанием которой является свобода.

Эти искусственные законы, без которых человек не может обойтись в создаваемой им «второй природе» — человеческом обществе. Но и сама природа живет по законам. Если представить, что сотворение мира — реальность, то до его сотворения было беззаконие, т. е. «смесь свобод и несвобод». Творец отделил свободу от несвободы, создав законы природы, т. е. формы. А все, что имеет форму является чьей-то собственностью. Но чьей? Законы природы — это формы движения материи, движение материи — энергии: неорганической природы; пространственных перемещений, движение элементарных частиц и полей: электромагнитных, гравитационных, ядерных взаимодействий элементарных частиц и др.

Любая элементарная частица, благодаря своим свойствам, может быть собственником своего существования и даже собственником того, из чего состоит. Она, имея поле, притягивает другие частицы, из которых рождается космическое тело. Планета является собственницей своей массы, благодаря которой она имеет гравитацию, с чьей помощью она увеличивает свою массу, а вместе с ней и гравитацию. С увеличением массы, увеличивается влияние планеты на другие космические тела.

При желании можно из этого вывести теорию, подобную марксистской, если людей брать как «человеческий материал». Но для того, чтобы «человеческий материал» уподобился физическому, надо каждого человека сделать сказочно богатым или, наоборот, каждого лишить всей его собственности. Первое считается нереальным, но возможным, второе достигается казалось бы, легче, но пока человек жив, это невозможно. У каждого, даже самого нищего во всех отношениях человека, есть собственность — его тело и душа, а собственность всегда притягивает собственность — это ее свойство, форма существования. Если она исчезнет, то исчезнет все живое, так же, как потеряв гравитацию, исчезнет любая планета.

Планета присваивает себе не все подряд, а выбирает то, что для нее имеет ценность. Ценностью для планеты является масса присваемого.

Человек также присваивает собственность выборочно, исходя из ценности того, что он может сделать своей собственностью.

Ценность не заложена в предмет как его свойство, присущее ему от природы, как вещь сама по себе она является субъ-

ективно-объективной величиной и в разных ситуациях бывает разной.

На улицах валяется много мусора, но никто его не присваивает, если в нем нет пользы. Допустим, я иду по улице мимо дубины и не вижу в ней для себя ценности, даже в виде возможности таковой в будущем. Я добровольно ее не возьму. Но, если в этот момент я подвергнусь нападению собаки, ценность этой дубины для меня возрастает, а ценность клыков собаки уменьшается, если я эту дубину присвою: благодаря ей, я освобождаюсь от чужой собственности — клыков собаки.

Чтобы дать более точное определение понятию ценности, вспомним опять физику, а именно, третий закон Ньютона: действие равно противодействию. Ценность — это величина противодействия моей собственности, действующей на меня чужой собственности. А ценности как цели — это «идеально мыслимый образ создаваемой ценности» (В. П. Тугаринов).

Не удивляйтесь, что я огромный раздел философии — психологию, уместил в несколько строчек. Нет, это только «предаксиология» — фундамент, без которого наука о ценностях сама теряет ценность, как, например, марксистская, бесфундаментальность которой определена Марксом, считавшим, что необщественная собственность противоречит человеческому существованию. Этот предвзятый тезис заставил марксистских философов рассматривать понятие ценность независимо от собственности. Даже слово «собственность» они старались не употреблять.

В работе В. П. Тугаринова «Теория ценностей в марксизме» отсутствие категории собственность привело автора к простому историческому перечислению фактов. Так как диалектически осмыслить понятие ценность в таких условиях невозможно, и не потому, что она неотделима от собственности, а потому, что последняя имеет противоположности — своя и чужая. Ценность их иметь не может, т. к. является величиной постоянной.

В других работах марксистов собственность скрывается под разными именами и даже под самой ценностью. В «Марксистской теории оценки» Б. Божика она появляется под именем «ценностная предметность», которая почти полностью соответствует гегелевскому понятию «собственность». Сам К. Маркс, отменивший собственность, не мог отказаться от этой категории. Он постоянно оперирует ею в замаскированном виде или «осколками» ее, используя термины, в которых сливаются воедино собственность и ценность — «стоимость», «тело стоимости», «овеществленная стоимость» и др.

Он раздробил понятие собственности на мелкие куски, часто соединяя их с другими понятиями, что привело к такой неразберихе в понятиях, что вряд ли кто-нибудь разберется.

Общепризнанно, что не зная Гегеля, нельзя понять Маркса, и то, что его философия является учением о понятиях. Оставим в покое классиков и попробуем поразмыслить, что такое собственник, т. е. хозяин собственности.

Представим, что есть субъект, не имеющий собственности. Как мы можем узнать о его существовании, а он о нашем? Любой признак существования субъекта (объекта) присущ не ему, а его собственности. И пока ее нет у него, никто не сможет узнать о нем. Для него не существует объекта, он не может знать о его существовании, следовательно, он сам не существует. Но можем ли мы помыслить о нем? Да, при условии, что мы мысленно наделим его собственностью.

Если у субъекта есть собственность, мы можем его воспринимать через нее и действовать на него или он на нее, через его собственность. Все субъект-объектные отношения — это отношения собственностей субъекта и объекта. Ибо только посредством собственности они могут взаимодействовать друг на друга, а вернее, на собственность друг друга, потому что субъект и объект — это только понятия, а собственность — это реальность. «В точке опоры предмета, нет самого предмета».

О существовании объекта субъект узнает в результате действия на него. Если этому действию нет противодействия, то объект не существует. Если действие натолкнулось на противодействие, то объект есть. Величина этого противодействия есть ценность собственности объекта.

Говорящий о собственности всегда подразумевает и ее ценность. Когда применяется понятие «ценность», встает вопрос, кому принадлежит или может принадлежать она, ибо нет ценности бесхозной. Собственность есть форма, содержанием которой является ценность. Сложность в понимании этого бывает, когда есть материально выраженная собственность, ценность которой духовная — предметы культа, святыни, памятные вещи и т. п. То есть, когда есть материальная собственность, не имеющая материальной ценности. В полном смысле слова ее нельзя назвать материальной — это овеществление духовной собственности. И только при условии обладания таковой она имеет духовную ценность. Если человек имеет такой предмет, не имея духовной собственности, или этот предмет не помогает ему ее приобрести, то для него он может иметь только интеллектуальную и материальную ценность. Интеллектуальная собственность часто имеет материальную ценность.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы:

1. К собственности относится абсолютно все, от чего человек несвободен. В свою очередь, несвобода бывает несвободой от своей собственности и несвободой от чужой, потому что собственность по отношению к субъекту бывает субъективная и объективная.

2. Своей собственностью для человека является то, что имеет для него ценность. Ценность есть величина, на которую своя собственность освобождает от чужой, и одновременно — величина несвободы от своей собственности, т. е. самой собственности.

3. К чужой собственности относится то, что не является своей собственностью, но от чего зависит человек.

4. Всякая собственность является формой. Всякая форма является чьей-то собственностью. Существование формы определяет существование содержания. Содержание собственности есть ценность.

5. Никто и никогда не может существовать без собственности, ибо содержание без формы не существует.

СОБСТВЕННОСТЬ ЕСТЬ НЕСВОБОДА,
ЕЕ ЦЕННОСТЬ ЕСТЬ СВОБОДА.

Ценность собственности объекта есть свобода объекта от собственности субъекта и свобода от своей собственности. Ценность собственности субъекта есть свобода субъекта от собственности объекта и свобода объекта от своей собственности.

3. Раб и хозяин
(Свобода и ее формы в историческом развитии)

Раб и хозяин (рабовладелец) являются двумя абсолютами противоположных свобод человека. Раб свободнее даже первобытного человека. «Античные рабы не принадлежат себе. Им была знакома свобода, заключавшаяся в отсутствии чувства ответственности» (А. Камю). Ответственность дает собственность, а раб максимально свободен от ответственности, но одновременно зависим от хозяина. И далеко не каждый раб стремится освободиться от хозяина, потому что вместе с этим он будет несвободен от своей собственности (самого себя), а следовательно, и от ответственности.

Не каждый слепой желает быть зрячим. В каждой стране, где отменялось крепостное право, среди крестьян было много таких, которые были недовольны этим, переживая, «кто теперь

будет о нас заботиться». По этой же причине так трудно идет перестройка в нашей стране. Все это не потому, что люди не хотят свободы, а потому, что они не хотят терять свободы, которые имели, и в первую очередь, свободу от ответственности.

В противоположность рабу рабовладелец максимально свободен от чужой воли и максимально несвободен от своей собственности. Он на себя возложил весь груз экономических, юридических, организационных проблем, постоянную ответственность и волнения за свою собственность — все то, от чего он освободил своего раба, делая себя рабом собственности. «Жизнь господ сопровождается ненавистью со стороны раба. И даже мифологический Геракл, рабски служивший царю Еврифею, внушает последнему такой страх, что превращает его в жалкого раба». Эти слова принадлежат ритору IV в. н. э. Либанию, посвятившему рассуждениям о всеобщем рабстве целую речь. И до сих пор эти рассуждения остаются неоспоримыми. Рабство — это не только зависимость одного человека от другого, но и покорность людей своим прихотям, приверженность их различным порокам и страстям. И если тела свободных и рабов вылеплены из одной глины Прометеем, то рабство распространяется в равной степени и на свободных. Оно — всюду. Кроме того, люди становятся рабами не только законов и правил, но даже рабами собственных профессий... Правители, в свою очередь, тоже рабы: законов, обстоятельств и своих граждан. Даже свобода тиранов — тоже видимость, поскольку они рабы своего окружения, готового в любую минуту сбросить своего властителя. «Итак, — заключает Либаний, — никто не свободен».

Таким образом, рабство всеобще. Тогда к чему же призывают те, кто призывает к свободе? И почему «страшное слово свобода начертано на колесницах бурь»? Борьба за свободу — это борьба за рабство? За смену хозяина? Да! Всякий призыв к свободе есть призыв к рабству. Но рабство бывает двух видов: рабство от чужой собственности и рабство от своей собственности (и конечно, разные промежуточные состояния). Поэтому все призывы, которые звучат из уст политиков, можно разделить на два вида. Одни призывают к увеличению своей собственности и ликвидации препятствий на этом пути. Это призывы быть хозяином — «рабом» своей собственности.

Другие призывы — к подчинению чужой воле, чужой собственности, «сотворение себе кумира».

Первые призывают подчинить необходимость, вторые — подчиниться необходимости и полюбить ее.

Фанатик свободен от всего и от вся, но он раб предмета преклонения (кумира). Если появляется какая-нибудь «посторонняя» зависимость, то она уменьшает его зависимость от «кумира» на величину, равную этой «посторонней» зависимости. Об этом прекрасно знает церковь, это является причиной постов, монашества, аскетства — освободиться от всего мирского, тем самым полностью подчиниться воле Божьей.

Одни в этом видят абсолютную свободу, а другие абсолютное рабство. Политики обещают дать людям свободу (как обычно, они не говорят от чего), а это и есть демагогия.

У каждого человека понятие «быть свободным» индивидуально, как и сам человек. Несмотря на свою индивидуальность, каждый человек состоит из материи. Материя каждого одинаково подчиняется закону сохранения материи. Подобный закон существует и у свободы. Свобода не только не возникает из ничего, но и не исчезает бесследно. Свобода может переходить из одних форм в другие, переходить от свободы от одного, к свободе от другого, но ее общее количество у человека не может измениться ни при каких условиях. Величина свободы у человека равна величине его несвободы.

Утверждение, что все люди одинаково свободны и несвободны, на первый взгляд, похоже на призыв к бездействию, смирению со своей участью. Ничего подобного! Это призыв к разумному действию, когда человек выбирает свободу от ... для несвободы.

Зная, что между свободой и несвободой непоколебимое равенство и общее количество свободы человека неизменно, он может подобрать себе то, что ближе его душе, способностям, предназначению. В противном случае, потратив много сил в борьбе за свободу и освободившись от чего-то, он моментально попадает в рабство, но не по своему выбору, а по воле случая.

Но вернемся к проблеме раба и хозяина.

Существует распространенное убеждение, что труд раба непроизводителен. Приставьте к каждому рабу по надсмотрщику, который бы выжимал все, что можно выжать из человеческого организма, и вы убедитесь, что рабский труд самый производительный. А «надсмотрщиком» может быть сигарета для курильщика, наркотики для наркомана и т. п. Труд раба — это труд абсолютно свободного от своей собственности человека. Сравниться с ним может только труд хозяина (собственника), т. е. труд человека абсолютно свободного от чужой воли. Это два пика производительности труда, а между ними пропасть.

Только раб и хозяин трудятся на одного господина: первый на «Бога», второй на мамону. Если осмысливать историю материалистически, вооружившись диалектикой, то получится «пролетарский коммунизм». Он был изобретен политиками, и только потом под него была подогнана научная база. Результатом этой подгонки явились такие нелепости, как труд раба непроизводителен или «богатый становится все богаче, а бедный все беднее». Если у бедного ничего нет, то как он может беднеть, и как может беднеть раб? Эта нелепость является краеугольным камнем марксистского историзма. «Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного человека другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно и шаг назад в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства. Всякое благо для одних, необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого» (Ф. Энгельс). Величайший образец диалектического мышления. Но что будет с рабом, если он будет «шагать назад», а ему один шаг до гибели? Минимум — он должен стоять на месте, а это противоречит диалектике. Он должен двигаться, а двигаться он может только в одном направлении — становиться богаче, и он двигался: раб — крепостной — рабочий — совладелец (акционер) — хозяин. Это логическое, а в историческом хозяин не всегда понимал, что с ростом собственности и свободы его раба увеличивается и его собственность и свобода. Хотя самым легким кажется путь к обогащению через эксплуатацию собственности у эксплуатируемого.

Противодействие диалектическому закону самодвижения приводит в действие другой диалектический закон, уменьшающий или уничтожающий это противодействие. Этот закон — классовые антагонизмы. С победой Октябрьской революции классовые антагонизмы не исчезли, а изменились. Раз нет класса эксплуататоров, но есть непонятно откуда исходящее противодействие самодвижению (увеличению своей собственности), то они (антагонизмы) действуют внутри одного класса: между теми, чьему движению мешает это противодействие, и теми, от кого оно могло бы, по мнению первых, происходить; между теми, кто преодолел его или пытается, и теми, кто не может или не пытается. Это работает, дробит наше общество, порождает неприязнь, злобу, национализм, сепаратизм. Бессмысленно бороться со следствием, не уничтожив причины противодействия диалектическому движению.

К. Маркс, исследуя первоначальное накопление капитала, открывает законы, присущие этой стадии капитализма: «...накопление нищеты соответствует накоплению капитала». Возможно, этот закон так понравился Марксу, что он переносит его не только на весь капитализм, но и на развитие всей цивилизации. Здесь есть доля истины, в начале общественно-политической формации эксплуатируемые и эксплуататоры движутся в разных направлениях, первые — к нищете, вторые — к богатству. Разрыв между ними растет в два раза быстрее, чем богатство, следовательно, в два раза быстрее растут и классовые антагонизмы, а потому наступает момент, когда рост антагонизмов начинает съедать весь рост богатства. Это и есть «точка», в которой начинается скачок из одной формации в другую: для увеличения своего богатства эксплуататор вынужден уменьшать антагонизм.

Для Гегеля и Маркса свобода — это результат длительного исторического развития. Но количество свободы неизменно при любых условиях, свобода от основного переходит в свободу от другого. Развитие — это становление человека-раба человеком-хозяином, а результат развития — человек-хозяин всего, абсолютно свободный от чужой воли. Началом развития является человек, абсолютно свободный от своей собственности: первобытный человек, античный раб, новорожденный ребенок. Все они развиваются по одним законам, что позволяет по развитию одного изучать развитие других.

Педагоги и психологи нередко используют историю общества для изучения развития ребенка, но почему-то историки и философы пренебрегают возрастной психологией, которая есть наука о становлении человека, позволяющая непредвзято осмыслить историю.

Рассматривая свободу и ее формы в историческом развитии, необходимо затронуть еще одну серьезную проблему — государство. То, что в течение длительного времени первобытные народы не знали государственного устройства и что оно возникло при определенном количестве накопленной собственности, почти ни у кого не вызывает сомнений. Но само возникновение государства овеяно различными мифами, которые необходимы сторонникам или противникам власти. Отрешившись от этих мифов, каждый заметит, что государство всего навсего сторож, и основная причина его возникновения — это необходимость людям защищать свою собственность от внутреннего и внешнего варварства. Другими словами, для защиты цивилизации от варварства.

Итак, государство охраняет собственность граждан, а значит, и их свободу (от чужой воли). Так почему миллионы граждан гибли в борьбе со своим государством? Почему государство постоянно обвиняют в ущемлении свободы, в насилии. Да, конечно, государство основано на насилии как противодействие насилию, исходящему не от государства, т. е. варварству. Первое должно существовать пока существует второе; в противном случае варварство уничтожит общество. Если насилие как средство исчезнет, исчезнет и государство. Государство само не есть зло, оно необходимость, более того, оно собственность граждан, дающая свободу. Зло, в котором винят его, исходит от людей, государством управляющих. Любой государственный человек рано или поздно, в большей или меньшей степени начинает считать свою должность своей собственностью, т. е. крадет ее у общества, что дает ему возможность свободно увеличивать свою собственность, грабя сограждан через государство или служа богатым гражданам. В результате собственность, а значит и свобода (от чужой воли) одних увеличивается за счет других, что вызывает антагонизмы.

Люди создали государство для своего блага, но оно постоянно стремится к своей противоположности, в которой оно перестает быть собственностью граждан и делает их самих своей собственностью. Не нужно искать виновного в этом, он сидит в каждом из нас, а нужно, зная свойства человека, искать условия, при которых оно (государство) не могло бы изменить своему первоначальному предназначению — служению своим гражданам. Помня, что самое свободное государство то, в котором созданы условия для максимально возможного увеличения гражданином своей собственности.

4. Общественные законы

Все, что существует, имеет форму, создаваемую законами. Для существования человеческого общества законов природы было мало, и человек начал создавать свои. В отличие от природных, законы общественные далеки от совершенства. Их создавали имущие, жаждущие личного обогащения, духовенство, движимое мифологическими страстями, интеллектуалы, считавшие интеллект единственной ценностью общества.

Каждый из них по-своему прав: человек имеет материальную, интеллектуальную и духовную собственность. Форма существования каждой — это постоянное увеличение. К тому же они в своем развитии оторваться далеко друг от друга не могут. Но всегда были люди,видевшие ценность в одной, стара-

ясь принизить значение двух других и даже борясь с ними. Яркий пример этой борьбы — церковь: «Все, что не ведет к душевному спасению греховно». Но особенно в этой борьбе отличились интеллектуалы.

Каждый истинный интеллигент, так же как Энгельс, возмущается тем, что материальная собственность «приводит в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развивает их в ущерб всем остальным задаткам. Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня, богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида было ее единственной, определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства». А утописты хотят, наоборот, чтобы в первую очередь развивались не низменные страсти людей, а богатство накапливалось по мере нужды в нем науки и искусства. Протест против «низкой алчности... движущей силы цивилизации» всегда был присущ интеллигенции. Она не может смириться с объективной реальностью — «низкие побуждения» заменяются «высокими» только постепенно, в результате длительного эволюционного развития. И как не бьются эти господа, их благие намерения приводят к обратному результату.

Разбираться кто и в чем прав — долгий и неблагодарный труд. Для того, чтобы понять основные принципы, на которых строятся общественные законы, необходимо отрешиться от всех предрассудков, накопленных обществом, и начать рассуждения с самого элементарного, т. е. с элементарной частицы.

Элементарная частица, как было сказано выше, имеет собственность — материю — энергию, из которой состоит. Она стремится к ее увеличению, которое не бесконечно и имеет установленный законом предел. Достигнув его, «собственник» уже не в состоянии удерживать свое богатство, начинает терять его, плодя мелких «собственников». И все начинается сначала. Нет ничего удивительного в том, что из этого «бессмысленного» круговорота произошел прорыв в органическое накопление собственности.

Каждый организм — это сгусток, в котором концентрируется вещество, энергия и информация. Именно информация отличает живого собственника от неживого (книга содержит информацию, но она не является ее собственностью). Собственник информации приобретает ее для себя, углубляясь внутрь се-

бя, тем самым получая возможность выйти за свои пределы. Каждый собственник стремится к увеличению собственности, т. к. это необходимо для существования. Чем больше собственности накапливает существо, тем выше оно в своем развитии. В «определенных узловых пунктах» количественное переходит в качественное: растения — животные — человек.

Жизнь это присвоение, переработка и использование одним субъектом собственности других. Часто это происходит в результате кражи и даже убийства. Об этом нельзя забывать при разработке общественных законов. Свобода присвоения есть необходимое условие развития.

Возможно, вас это возмутит, т. к. вы уверены, что законы общества основываются на десяти библейских заповедях, две из которых гласят: не убий и не укради. Но для кого они написаны и кого нельзя убивать и обкрадывать?

Раба, например, можно, библия приравнивает его к домашнему животному. А кто дал право человеку убивать животного, грабить земные недра, отнимать у слабых — «братьев наших меньших» — энергию? Ведь они растут (копят ее) не для человека, а для себя. Прав Прудон в том, что собственность — это кража. 10 библейских заповедей являются святая святых внутри банды уголовников: зачем вор будет красть у своего товарища, если с его помощью можно украсть у чужого гораздо больше?

Группа людей, соблюдающая 10 заповедей только между членами группы, и есть банда.

Социалисты XIX века по сути протестовали против несправедливого, по их мнению, раздела краденного между ворами. «Незначительная часть человечества, благодаря своей организованности, присвоила себе все права и беспощадно грабит другую часть, вызывая классовые антагонизмы». Они не замечали, что такие же процессы происходят и в природе. Незначительная часть природы — человечество, благодаря своей организованности, грабит другую часть природы, вызывая антагонизмы, которые пострашнее классовых. Опасность экологической катастрофы, «часа, когда экспроприаторов экспроприируют», поняли только век спустя. Но социалисты нашли основной принцип, на котором должны строиться общественные законы: «свободное развитие каждого есть необходимое условие свободного развития всех» субъектов природы. А развитие, как сказано выше, есть увеличение своей собственности, которое происходит путем присвоения, переработки и использования одними собственности других, т. е. при условии, когда сильный грабит слабого.

Две противоположности — сила и равенство одинаково необходимы для существования общества, и потому общественные законы должны создавать единство этих противоположностей, для достижения которого необходимо, чтобы количество свободы соответствовало количеству несвободы (собственности), другими словами, содержание должно соответствовать форме. В законах природы это соответствие непоколебимо. А законы, созданные человеком, нередко дают возможность иметь собственность без необходимой свободы или свободу, не закрепленную собственностью. Эти законы в лучшем случае не работают, а если работают, то во вред обществу.

Представьте, если бы на переходе от рабовладения к феодализму рабовладелец пошел бы не по пути создания из раба крепостного крестьянина, а по «демократическому пути»: дал бы политические свободы, в том числе и право выбора надсмотрщиков, но не дал собственности. Раб воспринял бы это как возможность не работать: все равно хозяин не даст умереть. И никакие бумажные законы не заставили бы его трудиться. Его заставят работать только две силы: диктатура сверху, а следовательно, отмена всех политических свобод, и его собственность, т. е. «диктатура снизу».

Равенство между свободой и несвободой в законах, создаваемых человеком, трудно достижимо из-за того, что человек стремится иметь ценность собственности, не имея самой собственности: содержание свободно от формы. Невозможность порождает протест, который запечатлен в сотнях теологических, философских, социальных и других трудах. Тот, кто понял, что отсутствие форм невозможно, старается добиться наибольшей свободы перехода из одних форм в другие. Но переход это тоже форма, форма движения, которая происходит в рамках закона.

Пока существует мир, существуют и враги законов, «борцы за свободу». Допустим, им удалось добиться абсолютной свободы перехода от одних форм в другие; но тогда формы вообще исчезнут, т. е. произойдет «смесь свобод и несвобод». Чтобы добиться того же, можно двигаться в противоположном направлении. При несвободе перехода уменьшается всякое движение, а при абсолюте — все становится статичным, исчезает любая взаимосвязь, а следовательно, и законы.

Найденный компромисс, неважно кем, между двумя противоположностями дал возможность миру на существование. Подобный компромисс или единство противоположностей необходим и для общественных законов.

Удмуртский университет

В. П. Ярышкин

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТАЙНА

Мы не случайно вынесли в заголовок слова Федора Достоевского. Лучшие умы человечества посвятили разгадке этой тайны свои жизненные усилия. В самом деле, тайна бытия человеческого волнует людей на протяжении столетий, и вот как об этом с мудрой грустью писал в своих знаменитых рубаи средневековый таджикский математик и поэт Омар Хайям:

Моя будь воля — не родился б я,
Не умер бы — поверь, будь власть моя.
Родиться, натерпеться мук, исчезнуть —
Не лучше ли покой небытия!

В древнем мире представления о том, что есть человек, отличались глубиной и оригинальностью, особенно в период раннего буддизма (хинаяны). Считая, что никакой отдельно существующей от тела души нет, древнеиндийские мыслители представляли человека в виде определенной совокупности пяти элементов (скандх): тела, ощущений, отвлеченных понятий, душевных спокойствий и разума. Смерть — это распад человека на скандхи, однако последние, повинуясь закону причинности или кармы, образуют новое существо. «Внутренней связкой трансформации личности, — писал видный индолог, академик С. Ольденбург, — выступает карма, которая, будучи результатом поведения человека определяет его новую жизнь». Новое соединение скандх в данное время проявляется как данная индивидуальность, а после определенного промежутка времени проявляется в виде другой, третьей и т. д. Происходит не трансмиграция, не переселение души, а бесконечная трансформация, перегруппировка элементов — скандх, составляющих человеческую личность. Таким образом, человек рассматривается в буддизме как индивидуальность, сложившаяся из многочисленных существований и лишь частично проявленная в каждом новом появлении. Следовательно, каждая личность со всем тем, что она есть и мыслит, со всем ее внутренним и внешним миром есть не что иное, как временное сочетание безначальных и бесконечных составных частей. Образно говоря, — это как бы лента, сотканная на известном протяжении из безначальных и бесконечных нитей. Когда наступает то, что мы называем смертью, ткань с определенным узором как бы распутывается, но те же самые необрывающиеся основные нити или элементы — скандхи соединяются вновь, из них появляется новая

лента с новым узором. Поэтому отдельный индивид, который живет в таких-то жизненных условиях и называет себя так-то, в сущности — временная узорчатая лента из основных нитей. «Это те самые нити, — пишет известный русский индолог О. Розенберг, — которые теперь называют себя Иваном, были когда-то Петром, будут когда-то Алексеем». Но этот узор вновь распадется, и нет этому конца. Причем это не есть переселение души в новое тело, это именно перерождение. Те же самые нити, создавшие Петра вместе с его телом и его миром, будут Иваном с его телом и его миром.

Человек в миросозерцании раннего буддизма выступает частью космоса. Он подобен ему, безграничен в своих возможностях. Также считал русский ученый-физиолог, Нобелевский лауреат, академик И. Павлов, говоря, что человек — это высшее олицетворение ресурсов беспредельного осуществления могучих, еще неизведанных законов.

Академик Ф. Щербатский говорил о замечательной близости философии буддизма научному миросозерцанию. Геохимик, академик В. Вернадский писал о том, что мысль Индии открывает новые, раньше нечаянные пути философских исканий.

Мы остановимся относительно подробно на древнеиндийском учении о человеке потому, что центральным пунктом философской концепции раннего буддизма выступает идея о совместно-зависимом рождении, возникновении элементов, составляющих личность. Это, в свою очередь, способствует плодотворной разработке современных целостных концептуальных представлений о природе человека. Идея о трансформации природы личности, пусть в наивной форме, но в принципе верно, еще несколько тысяч лет назад отразила специфику функционирования родовой сущности человека, находившегося в архаично-целостных, гармоничных отношениях с окружающим его миром, космосом.

Ныне же, по витку гигантской спирали истории, человечество вновь вступает в период утраченной гармонии, в то свое социально-экономическое состояние, в то нарождающееся качество труда, которое академик В. Вернадский называл становлением ноосферы. Нашему отечеству — России выпала честь прорыва в будущее земной цивилизации, в ноосферу. Да, этот планетарный процесс идет весьма болезненно, сопровождается социальными катаклизмами. Но он объективно необратим, и это главное.

Что же возникает в недрах этого социально-космического, по сути, процесса, в живом пламени чародея-труда, в недрах гигантского «кипящего котла» российской истории?

С точки зрения глобального, философского рассмотрения сложившейся конкретно-исторической ситуации становится более очевидным, что природа человека постепенно начинает обретать характер так называемого «фазового» становления. Причем процесс «фазового» раскрытия могучих закономерностей универсума, имплицитно дремлющих в глубинах сущности человека, раскроется тем ярче и величественнее, чем гармоничнее будут взаимоотношения людей друг с другом и с окружающей средой, т. е. функционирование будет на все более научно-обоснованных и нравственных принципах.

«Фазовый» или, точнее, процессуально-системный характер становления личности, в выяснение физических основ которого свой вклад должна внести новая наука — синергетика, означает, что человек в своем современном, конкретно-историческом и деятельно-трудовом становлении обретает уникальную возможность проживать ряд своих последовательно сменяющихся, но и одновременно сосуществующих индивидуализированных социальных состояний (вероятно, их не менее трех), обликов, ликов, воплощений или ипостасей. В религии это было подмечено как триединство бытия Бога, что писатель Лев Толстой называл абсурдом и галиматьей. Позволим себе не согласиться с великим писателем — это не абсурд, а «момент истины». В этом плане концепция «фазового» становления личности отражает объективно возникающую в ходе истории возможность реального, земного, а не загробного бессмертия человека. Иначе говоря, он — человек — обладает определенной ритмикой, пульсацией бытия, т. е. именно «фазовым» становлением. Причем под «фазой» понимается процесс функционирования человека от рождения до смерти. Взаимосвязь же фаз осуществляется, вероятно, информационно-полевым образом посредством взаимодействующих **резонансно** психологических систем индивидов.

Подчеркнем, что «фазовый» процесс развития личности идет в реальном земном четырехмерном пространственно-временном континууме и должен поэтому объективно сопровождаться физическими, гравитационными, магнитными, энергетическими, информационными и иными материальными явлениями, которые, в принципе, можно фиксировать соответствующей презиционной электронной аппаратурой. Это как бы наружное, внешнее изучение феномена. Но не исключено и то, что при особой тренировке человека, например, по системе интегральной йоги, он сможет субъективно как бы изнутри «войти» в этот процесс.

Разработка концепции «фазового» развития человека приведет к прорыву на горизонт совершенного иного видения не только в философии, но в физике, биологии, психологии, медицине, педагогике и т. д.

Научное изучение феномена предполагает его математическое, физическое, компьютерное, информационное и т. д. моделирование с перспективным выходом на экспериментальные исследования, что станет весомым вкладом научного творчества в становление ноосферы, в возрождение Отечества. Этим и должна будет заниматься, если найдет источники финансирования и талантливых сотрудников, создаваемая с большим трудом лаборатория проблем человека Удмуртского госуниверситета — пионер такого рода исследований в Российской Федерации.

Разумеется, в перспективе изучение уникального исторического феномена «фазового» становления личности, имеющего естественно-планетарный характер, потребует и соответствующих усилий мирового научного сообщества. В этом плане лаборатория проблем человека — в будущем — сможет взять на себя функции координирования усилий международного коллектива исследователей, преобразовавшись в международный центр проблем человека. А пока попробуем понять, почему столь трудно разворачиваются начинания, ориентированные на научное, экспериментальное изучение объективно возникающего и теоретически предсказанного, философски открытого феномена практического бессмертия личности. Ведь по сути дела научно решена тысячелетняя загадка истории, тайна жизни и смерти, бытия человека.

Понятно, что разрабатывать целину под силу не всем, не у каждого найдутся силы интеллектуальные, духовные, да и просто физические. Общеизвестно и то, что новое в науке, как правило, поначалу игнорируется, замалчивается, шельмуется, т. к. сталкиваются частные и корпоративные интересы исследователей. Наконец, требуется время — порой немалое — на осмысление нового. Однако, наряду с традиционными, существует и ряд специфических обстоятельств, исконно наших, российских. Из них первое — это охранительная парадигма страха: не высовываться, как бы чего не вышло. Причем страх духа, интеллектуальный страх переплетен со страхом физическим. К тому есть основания. Вспомним 20, 37, 50-е годы, когда «цвет» российской интеллигенции либо выгонялся из страны, либо уничтожался, превращаясь в «лагерную пыль». Вспомним и 70—80-е годы, когда вольнодумцы или выдворялись зарубеж, или спивались, или помещались в «психушки». Это, мягко говоря,

«вымывание» талантов из сферы науки, прежде всего гуманитарной сферы, стало предпосылкой и одним из следствий построения в стране казарменно-бюрократического социализма.

Второе — это результат господства тупого, вульгарно-механистического, партократического мышления, директивно-запретительная атрибутика которого, по инерции десятилетий, жива и ныне. И третье обстоятельство — философы, к сожалению, не рождаются у нас,как грибы после дождя.

И все же, несмотря ни на что, новая философская концепция «фазового» развития личности начинает входить в сферу научного сознания, постепенно формируя диалектические основы материалистической, целостной науки о человеке, органично вбирающей в себя достижения современной естественнонаучной мысли.

Ижевский технический университет

А. В. Толпегин

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ КАК ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ «Я»
(Историко-философский очерк)

Проблема отношений является одной из наиболее запутанных в современной философской литературе. Никто из исследователей не может обойтись без данной категории, но, судя по публикациям, вряд ли кому достаточно ясно, что такое отношение в его самостоятельном, собственном значении. Несмотря на многочисленность современных работ по вопросу отношений, особой ясности здесь нет. Подавляющее большинство авторов идут, если можно так сказать, по пути «наименьшего сопротивления» [1]. Применяя формально-логический принцип «шире—уже», они фактически отождествляют понятие «отношение» с каким-либо более ясным или более устоявшимся понятием, что, естественно, больших эвристических результатов дать не может. Более перспективной, на мой взгляд, оказывается иная концепция отношений, существующая в современной литературе, правда, только в наметках, как совокупность отдельных, мало связанных между собой идей. Я имею в виду трактовку отношений как **взаимных определенностей вещей.** Среди авторов, которых можно отнести к сторонникам этих взглядов, Г. Д. Левин, М. А. Парнюк, Ю. П. Андреев и некоторые другие. Они, однако, называют этот признак отношения (определенность) **в ряду** других, не выделяя его особо и считая однопорядковым с другими.

Думается, что «определенность» — **основополагающий** признак отношения. Кроме того, главное направление развития проблемы отношений в истории философии, как мне представляется, приводит именно к такой их трактовке. В данной статье я попытаюсь вкратце очертить основные историко-философские этапы развития этой проблемы.

В истории развития философской мысли выделяются три основные концепции отношений:

а) отношение как «принадлежность» роду;

б) отношение как «выделенность», некоторая отличающая отдельность;

в) отношение как функциональная зависимость.

Посмотрим на них более внимательно.

Развитие проблемы отношений начинается задолго до ее четкого терминологического и тем более категориального оформления. Если последнее начинается фактически только с Аристотеля, то сама проблема зарождается намного раньше. По всей видимости, она начинает свое развитие еще в первобытном обществе. Пробуждающееся человеческое сознание в процессе собственного становления по необходимости выделяло общество из природной среды. И это выделение шло по линии осознания **общности,** единства человеческого рода. Единство это тем более осмыслялось, становилось все более крепким, чем больше человеческий род в лице составляющих его членов осознавал свое отличие от окружающих вещей. Вещи же, как это оценивается в современных исследованиях, воспринимались первобытным мышлением как **совершенно** различные, уникальные, не имеющие общности — в отличие от человека. В этой ситуации разобщенности вещей и единства человеческого рода зарождалось понимание отношения как «отнесения себя», отнесенности, «принадлежности» к роду, к тому **единственному единству** в природе, которое представлялось в сознании людей в образе тотемной общности и т. п. Такое понимание отношения, по-видимому, оказывается исторически первым.

Постепенно развитие сознания в практической жизни людей необходимости все большей адаптации к миру приводит к выделению у тех или иных вещей сходных признаков, свойств, что ведет, в свою очередь, к **классификации,** хотя может быть и не вполне осознанной, предметов окружающей среды. Тем самым общность, единство «появляется» уже не только у человека, но и у всех остальных предметов, которые начинают относиться человеком уже к их собственному роду. В результате начинает складываться несколько иное понимание и самого отношения — уже как **выделенности** вещи из других в силу выделенности ее рода, ее специфики и даже, в какой-то мере, изолированности от всего остального. Именно это понимание отношения развивается первыми философскими системами, в том числе ионийской школой древнегреческой философии, которая в этом смысле достаточно «представительна», чтобы ограничиться именно ее анализом, не обращаясь к древним восточным философским системам.

Становление мира, Космоса, в этих философских конструкциях фактически повторяет становление человеческого восприятия мира, о котором мы только что говорили. Так первобытное восприятие вещей как совершенно различных, «беспорядочных», не связанных между собой какими-то закономерностями, отразилось в идее «первичного хаоса», который оказывается

первоначальным состоянием бытия. Практическая классификация вещей человеком — в идее «выделенности» из хаоса вещей и их возвращении в него и т. д. Вода, Огонь, Воздух — это тот Хаос, из которого по различным причинам «выделяются» вещи — разные, уникальные, неповторимые. Отсюда множество названий фактически одной и той же вещи: верблюда, например, в арабском языке. В процессе «выделения» вещей и становления Порядка действуют везде два фактора, и эти два фактора являются исходной основой своеобразного «дуализма» любой философской системы. Мы имеем в виду некоторое «первоначало» (Хаос, смесь и т. п.), откуда все выделяется, и некоторое «действующее» начало — Логос, Нус, Любовь, Вражда, Вихрь и прочие, — которое все порождает и по закону которого вещи «выделяются». Различные модификации этой дуалистической модели не меняют ее сути. Сюда же относится и концепция Пифагора, который по современным сведениям, впервые вводит понятие отношения в свои исследования. Вещи, по Пифагору, относительны, т. к. порождены «числом». Число же само по себе — это некоторое количественное отношение, это то или иное сочетание двух начал — «предела» (конечного) и «беспредельного» (бесконечного). Каждой вещи соответствует своя «мера» этих начал. Вернее: каждой «мере» соответствует та или иная вещь. Именно эти «меры», которые затем повторятся в «идеях» Платона, позволят привести мир в порядок, придадут ему некоторую определенность и устойчивость. Таким образом, получается, что отношение это «выделенность» меры, это **конкретное соотношение в некотором «одном»** (мере или вещи) **как минимум двух** «начал». У пифагорейцев — это определенность меры (числа) в «беспредельном» посредством «предела», таковы вещи, уподобляющиеся «своим числам».

Следующий, довольно значительный шаг в развитии проблем отношений сделал Гераклит. Фактически от него, на мой взгляд, начинается третья традиция понимания отношения: как функциональной зависимости между вещами. Естественно, что самого понятия функции мы здесь еще не найдем, но «функциональные отношения», существующие в реальности, начинают уже изучаться: «Морская вода и чистейшая, и грязнейшая, — гласит известный фрагмент из трудов Гераклита, — рыбам она питье и спасение, людям же — гибель и отрава». Далее эта традиция будет идти через этические изыскания Сократа, через работы Декарта, вводящего в исследования переменные Лейбница, впервые применяющего понятие «функция»,

и далее — в основном, по линии физико-математических и логических исследований.

Первые же два понимания отношений — как «принадлежности» и как «выделенности» — были обобщены Анаксагором в единую, довольно своеобразную концепцию. Первичный хаос, где «вместе все вещи были беспредельные и по множеству и по милости» [2], у Анаксагора был достаточно «хитрым». Это не «сплошность» воды, воздуха, огня и др., как и у других мыслителей, а фактически «дискретность» (зарождение атомистических идей) беспредельного количества «семян» вещей, первоначал тех или иных предметов. И первоначала эти уже «выделены» друг из друга, т. е. **различны изначально,** вследствие чего изначально различными оказываются и вещи. Деревянные вещи состоят из своих «деревянных семян», «мясные» — из мясных и т. д. «Ведь каким образом из не-волоса мог возникнуть волос и мясо из не-мяса?» — удивляется Анаксагор [3]. Так произведено общение: вещь относится, т. е. «принадлежит» к своему роду» посредством изначального отличия, «выделенности» из других вещей и родов.

Аристотель как бы продолжает эту трактовку, и если напрямую сами отношения он не анализирует, зато уточняет, почему вещи оказываются в отношениях, что это за **свойство** у вещей — соотнесенность. «Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то отношении к другому» [4]. Только связь с другими делает вещь саму собой. И это происходит потому, что только в таких взаимосвязях вещи получают свои определения. Причем эти определения, сформированные у двух различных вещей даже противоположны. Если мы говорим, например, о «крыле» (или вообще, некоем определенном «нечто»), то сразу подразумеваем то, что его «определяет», к чему оно «принадлежит» — «крылатое». И естественно, что все «крылья» принадлежат еще и своему роду, отличаясь от других родов, «выделяясь» из них. Однако выделение происходит не вследствие действия Любви, Ненависти, Вихря и прочего, а вследствие реальных природных взаимосвязей, взаимозависимостей вещей в процессе их действительного **функционирования** соответственно своей «природе», своему «назначению». Так Аристотель обобщает фактически все три, развиваемые до него разными мыслителями, понимания отношений.

Правда, по Аристотелю, оказывается, что все это не относится к «сущности» — ни первой, ни второй, ни какой-либо еще. Ни одна сущность не принадлежит к соотнесенному, т. к. «непосредственное свидетельство чувства, — указывает он, — го-

ворит, что сущности ничто не бывает противоположно, и рассуждение это подтверждает» [5]. И чуть ранее: «суть бытия... состоит в том, чем ты являешься сам по себе» [6]. Отношения же принадлежат сфере определения этих сущностей, т. е. в конечном счете лишь сфере **логики,** субъективной связи понятий, а не реальных вещей.

Эта аристотелевская установка оказалась довольно устойчивой. Фактически все наиболее крупные мыслители Нового времени, следуя запросам своей эпохи на развитие **научного** знания и гносеологии, работали в рамках аристотелевской **парадигмы:** отношения — явления субъективные, в реальности их нет. Те же, кто был более склонен к естествоиспытательской деятельности, к познанию «тайн природы», а не логики мысли, вообще мало интересовались категориальным анализом. Так, например, Бэкон, признавая что таким анализом, конечно, пренебрегать нельзя, считал его вряд ли интересным с точки зрения изучения природы, реального мира, «поскольку все эти вопросы, собственно не относятся к области физики, а диалектика изучает их скорее с точки зрения развития искусства доказательства, чем познание сущности явлений».

Другие мыслители, обращавшиеся к исследованию категории отношения, анализировали ее именно как категорию **познания,** но не феномена реальной жизни. Видимо отсюда и устойчивое мнение современных авторов, идущее от Маркса, что отношения нам чувственно не даны, а их можно только мыслить. Вследствие такого положения дел эпоха Нового времени в развитие проблемы отношений ничего нового по сути не внесла, кроме именно этой своей собственной трактовки отношений как определений, **данных разумом** в результате процедуры сравнения исследуемых предметов.

Систематизируя эту концепцию отношений, Кант субъективизирует вообще весь мир явлений. Отношения, по его идеям, **привносятся** в мир априорными формами сознания в качестве именно форм этих вещей и их взаимосвязей. Категории сознания — это и формы вещей (явлений) и их отношения. «Мысли, — пишет Кант, — без созерцания пусты, созерцания без понятий слепы» [7]. Другими словами, без категорий чувственный опыт, с которым имеет дело субъект, представляет собой неопределенное, бессвязное, **непонятное** «ничто», где естественные отношения вряд ли возможны. Категории же сами по себе, без чувственного опыта, бессодержательны. Это, так сказать, «чистые отношения», пустая структура.

Фактически с этого начинает свое философское исследование Гегель, категорически против высказавшись по поводу идеи

Канта о том, что категории бессодержательны: «Утверждать о категориях, что они сами по себе пусты, будет неосновательно, поскольку они имеют содержание уже потому, что определены» [8]. А как известно, в определениях раскрывается именно содержание.

Таким образом, Гегель показывает, что категории (отношения) потому содержательны, что определены, т. е. он определенность представляет как основное содержание отношений мира. И сам этот мир порождается **саморазвертыванием категориальной структуры** по законам собственной логики. От абсолютного, лишенного всех определений Бытия—Ничто (очень похожего на античный Хаос, «апейрон» и проч.) логикой собственного самодвижения формируется мир понятий посредством приобретения все большего и большего количества определений. От неопределенного абсолютного единства к определенному, конкретному, наличному бытию во всем его многообразии — таково направление логики движения. Определенность оказывается тем феноменом, который придает бытию его оформленность. Но именно определенность оказывается и основным, существенным признаком отношения. «**Определенное,** конечное бытие — это такое бытие, — говорит Гегель, — которое **соотносится** с другим бытием» [9] (выделено мною. — А. Т.), а это обусловлено тем, что любое определение есть **опреде́ливание,** постановка предела как минимум между двумя областями, между двумя качествами, между двумя вещами, которые этим определением оказываются **функционально связанными.** Следовательно, две функционально связанные определением области бытия (вещи) и составляют, по Гегелю, отношение.

Надо подчеркнуть, что Гегель как великий систематизатор философского знания и здесь не изменяет себе. Его концепция отношений фактически оказывается оригинальным синтезом всех основных идей предшествующих мыслителей по данной проблеме. Выводя, традиционно для своей эпохи, отношения из **логики определений разума,** Гегель возрождает концепции прошлого в форме одной из сторон своего понимания отношений. Так, например, функциональное понимание отношения, идущее от Гераклита и Сократа, представлена гегелевской идеей «положенности». Отношение как «выделенность» — в идее «отрицательности» определенности. Отношение как «принадлежность» — в идее «тождества». Попробуем показать это более наглядно.

Гегель посвятил много страниц в своих работах анализу именно определенности — как существенному признаку отношения. Последнее есть действительное выражение функцио-

нальной зависимости вещей друг от друга, поскольку каждая из них есть нечто иное, лишь как **отличающая** себя от другой, она имеет свою **положенность** не в самой себе, а в **ином,** определена лишь определенностью иного, это иное точно так же определено лишь определенностью первой (выделено мною. — А. Т). Таким образом, отношение оказывается взаимной **определенностью** вещей друг другом. Но Гегель данную концепцию определенности разворачивает далее по ее собственной логике. Причем он указывает, что это не внешняя, не безразличная к сути вещей определенность, а определенность именно существенная.

Взаимная определенность вещей осуществляется путем «положенности» друг в друга. Следовательно, эта «положенность» оказывается в том числе и положенностью «себя в себя» посредством другой вещи. Так взаимная положенность вещей придает им и «рефлектированную самостоятельность», т. е. **собственную определенность,** опосредованную через иное. Вещь становится самой собой только в процессе взаимной положенности с иным, и следовательно, положенности себя в себя из иного. Но в таком случае, пишет Гегель, вещь есть **«соотносящееся** с **собой** наличное бытие, есть, таким образом, в себе-бытие с некоторой определенностью» [10].

Другими словами, положенность в иное, а именно она влечет за собой по необходимости положенность в себя, собственную «самоопределенность», собственную качественную **самотождественность.** Или, говоря термином античности, **принадлежность** к своему роду (появляется соответствующая концепция отношений). Так, разворачивая логику отношения как взаимную определенность вещей, Гегель от понимания отношения в качестве функциональной зависимости вещей («положенности») переходит к пониманию отношения как «принадлежности» вещей и себе, и своей сущности, своему роду.

Но данный переход по необходимости влечет за собой еще одну концепцию отношений, разработанную в прошлом: отношение как «выделенность», как отличие от иного, как специфика вещи, соответствующая ее собственной природной «мере». Качество как существенная определенность вещи есть, как уже упоминалось, постановка предела, проведение границы между вещами. Но любая граница возможна лишь между **различными** качествами. Таким образом, получается, что взаимное определение формирует качественные определенности вещей, которые по своей сути есть ограниченные их различия, сформированные взаимным «положением» вещей друг в друга. В этом обобщен-

ном положении оказывается суть гегелевского понимания отношения, которую я вполне поддерживаю.

Итак, отношение — это взаимная определенность явлений, включая сюда всю изложенную логику Гегеля по данному вопросу. А после него вплоть до наших дней вряд ли можно назвать хоть одну философскую концепцию, которая внесла бы в развитие проблемы отношений что-нибудь более серьезное или новое. Философские разработки по этому поводу после Гегеля были той или иной модификацией уже существовавших в истории философии концепций. Мало того, все послегегелевские исследования отношений в силу каких-то причин буквально «разорвали» синтетическую концепцию Гегеля «по кускам». Современные авторы анализируют один из аспектов его концепции, но совершенно без всякой связи с другими, и даже противопоставляя, полемически отбрасывая остальные. Такое положение дел, естественно, привело к ликвидации **логики** как самой концепции, так и взаимосвязей историко-философских взглядов, что повлекло за собой печальное состояние проблемы отношений, которое мы наблюдаем в современной литературе. Однако это предмет особого разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Ченышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 136.
2. Цит. по: Роженский И. Д. Анаксагор. М., 1983. С. 130.
3. Там же. С. 132.
4. Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1954. Т. 2. С. 66.
5. Аристотель. Метафизика. М., 1934. С. 239.
6. Там же. С. 116.
7. Кант И. Соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 3. С. 155.
8. Гегель Г. В. Соч.: В 14 т. М., 1954. Т. 1. С. 90.
9. Гегель Г. В. Наука логики: В 3 т. М., 1954. Т. 1. С. 144.
10. Там же. С. 187.

Уральский педагогический университет

А. С. Ворончихин

К ПРОБЛЕМЕ «ПАРАДОКСА ВОЗНИКНОВЕНИЯ»

Возникновение нового — одна из «вечных» проблем философского учения о бытии. Уже в древности мыслители выявили и сформулировали глубокое противоречие, которое несет в себе понятие «возникновение нового». С одной стороны, новое может возникнуть только из старого, ибо, как провозгласили еще элеаты, «из ничего не может возникнут нечто». С другой стороны, новое, по определению, есть то, чего прежде не существовало. Или, иными словами, новое может сформироваться только из старого, но там его, по определению, быть не может. Самих элеатов ясное осознание этого противоречия привело к отрицанию самого факта возникновения (как и исчезновения). Они объявили это несовместимым с природой истинного бытия и отнесли эти феномены к миру кажущегося. Несколько позднее античная мысль нашла принцип объяснения возникновения, который в основном сохранялся во всех направлениях научного исследования до XX века: новое возникает в результате соединения неких изначальных, неизменных элементов (атомов, корпускул, молекул) в новые сочетания. Понимание соотношения иерархических уровней природы выглядело и выглядит до сих пор следующим образом: атом — результат сочетания элементарных частиц; молекула — соединение атомов; клетка — соединение молекул, организм — соединение клеток и т. д. Такое объяснение, обладая достоинствами ясности, самоочевидности и рациональности, оставляет открытым вопрос: откуда же берется то новое, что отличает химическое от физического и чего в физическом **не было,** что отличает биологическое от химического и **отсутствует** в химическом? Это и есть «парадокс возникновения».

Эта проблема достаточно просто решается в идеализме. Там новое трактуется как некий фактор, вносимый в совокупности природных, материальных элементов неким высшим сверхприродным началом. Но в системе понятий и представлений домарксовского материализма, с его пониманием материи как косного, инертного начала, господствовал механистический элементаристский подход, сводящий появление нового к комбинации и рекомбинации старого. Поэтому анализ возникновения нового в содержательном плане был монополией различных идеалистических течений, объяснявших его как форму, энтелехию, жизненную силу и т. д. Тем самым в идеалисти-

ческой концепции развития парадокс возникновения снимается в самом начале, ибо новое здесь фактически **не возникает,** а присутствует извечно в некоем надприродном измерении, откуда и снисходит в природу. Но «если источником изменения развития является духовное начало, заведомо более богатое, чем все, что из него в ходе развития произошло, то по существу в природе не может возникнуть ничего нового, не бывшего хотя бы идеально преобразованным в этом идеальном начале» (А. С. Богомолов), поэтому последовательная теория развития, серьезно принимающая возникновение нового возможна лишь на основе целостного подхода. Так называемым философам-идеалистам — Аристотелю, Лейбницу, Гегелю — следует воздать должное за то, что они выдвинули ряд глубоких положений о сущности и механизмах развития, порождающего новое, которые и составляют идеалистическую диалектику. Серьезно принимает возникновение нового материалистическая диалектика, где оно оказывается по сути центральной проблемой, на решение которой нацелен весь ее категориальный аппарат. Здесь возникновение нового трактуется как переход количественных изменений в качественные, импульс которому дает развертывание противоречия, а направленность этого перехода определяется законом отрицания. Но сама по себе констатация того, что накопление количественных изменений приводит к качественному скачку, лишь ставит нас перед необходимостью детального анализа — в нем же заключается сам скачок, как из накопления количественного изменения возникает новое качество. Но здесь мы оказываемся перед таким бесконечным разнообразием конкретных способов возникновения нового, что возникает соблазн объявить невозможным анализ данной проблемы в общем плане и предоставить ее решение частным наукам, которые и должны изучать процессы рождения нового; каждая в своей предметной области пусть ищет конкретный ответ для каждого конкретного случая.

Многим исследователям подобная точка зрения представляется неоправданной капитуляцией, и попытки решения «парадокса возникновения» не прекращаются.

Например, концепция уровней В. В. Орлова, которая постулирует существование заложенных в материи тенденций и возможностей развития высшего из низшего. Анализ этой концепции уже дан в нашей литературе (А. С. Богомолов и др.), поэтому мы здесь не будем подробно ее рассматривать. Перспективной мы считаем и точку зрения тех исследователей, которые полагают, что в современной методологии научного познания наиболее удовлетворительное решение проблемы воз-

никновения нового дает системный подход (В. Г. Афанасьев, А. Н. Аверьянов, И. В. Блауберг, З. М. Оруджев и др.). Становление этого подхода в науке было вызвано именно осознанием невозможности выявить механизмы функционирования и развития сложных образований на основе методов и аппарата традиционных научных дисциплин. Так, например, в биологии системный подход возник из осознания невозможности объяснить специфику биообъектов на основе различных вариантов редукционизма и вместе с тем из принципиального отрицания витализма как единственного способа решения этих проблем.

Правда, основные усилия исследователей, пользующихся системным подходом, направлены на поиски научных средств, посредством которых можно выразить целостность системного объекта, т. е. те характеристики, которые делают объект системой. Как представляется, он не менее продуктивен и в исследовании процессов развития и возникновения нового, ведь возникновение нового есть, в сущности, возникновение некоей новой целостности с новыми свойствами и проявлениями, отсутствовавшими у тех элементов, из которых она возникла.

В чем состоит тот качественный скачок, в результате которого появляется новое? Возьмем наиболее общий и важный случай — возникновение новой формы движения материи. «С вещественной стороны каждая более высокая и сложная форма не заключает в себе ничего, кроме находящихся во взаимодействии материальных носителей ближайшей к ней более низкой и простой формы движения, из которой она возникает» (Б. М. Кедров). Причем в самом этом взаимодействии, на первый взгляд, тоже нет ничего нового, т. к. оно происходит согласно природе, свойствам и законам этих объектов, принадлежащих к более простой и низкой форме движения. Молекулы соударяются по законам механики, электроны взаимодействуют друг с другом и с ядром согласно законам, управляющим взаимодействием заряженных микрочастиц. Но тем не менее возникает нечто новое: объекты, объединенные взаимодействием — это наиболее абстрактное, общее и необходимое определение системы, а следовательно, взаимодействие вводит нас в область системных принципов и законов.

Системный подход исходит из того, что специфика сложного объекта (системы) не исчерпывается особенностями составляющих его элементов, а связана прежде всего с характером взаимоотношений между определенными его элементами.

Эти взаимоотношения в своей совокупности и образуют целостность системы. Целостная система существует как нечто выделенное из среды, независимое от нее, хотя эта независи-

мость и носит относительный характер: она подвергается разнообразным воздействиям среды и сама воздействует на нее (на языке системного подхода — имеет вход и выход), сохраняя при этом устойчивость и внутреннюю упорядоченность.

Уже такой, очень общий и упрощенный подход к понятию системы открывает возможность объяснить возникновение ряда аспектов нового качества. Целостность выражается прежде всего в появлении у системы новых свойств, отсутствующих у ее компонентов в свободном состоянии. В общем случае свойства системы не сводятся к сумме свойств ее элементов. Следует помнить тот важнейший результат диалектики, согласно которому свойство не есть некая актуальная характеристика, всегда при всех обстоятельствах наличествующая у объекта. Свойство есть способ проявления объекта в данном конкретном отношении. Взятая сама по себе, вне всяких отношений и взаимодействий вещь была бы лишь основой, заключающей в себе возможность проявления определенного спектра свойств. Но вне связей и отношений вещи никогда не существуют. Прежде всего каждая вещь существует как порождение определенной системы связей и отношений, которые определяют ее существование в данном качестве. Уберите эту систему, и исчезнет данное качество вещи. Поскольку каждый объект имеет сложную многоуровневую структуру, разные «этажи» и компоненты которой генетически связаны с разными системами связей и отношений, уходящих вглубь и вширь, в бесконечность и охватывающих собой в конечном счете все сущее, то можно утверждать, что каждый объект есть продукт всей Вселенной, порожденный процессами, происходящими в ней в течение всей бесконечной истории ее существования. В этом смысле любой объект бесконечен по своему внутреннему содержанию и обладает бесконечным разнообразием свойств — и актуальных, т. е. уже проявленных и реализованных на том или ином уровне бытия, и потенциальных, которые рано или поздно, по мере включения объекта в новые связи и отношения, будут реализованы.

Именно в новые связи и отношения попадает вещь, становясь элементом системы. К системе ее приобщают специфические системообразующие связи. Эти связи актуализируют не все свойства объекта, а только какой-то их класс, прочие же оставляют незадействованными или даже «выключают». В этом смысле целое оказывается меньше суммы своих частей. С другой стороны, включаясь в целое, объект попадает в условия и отношения, в которых он ранее не участвовал, и тем самым развивает и проявляет свойства, ранее у него отсутство-

вавшие. Совокупность этих новых свойств и проявлений у элементов системы, складываясь, дает в итоге системные свойства и качества, ранее в природе отсутствовавшие, являющие собой нечто новое, и поэтому целое больше суммы своих частей. При этом следует учитывать, что данная совокупность новых свойств и проявлений в подлинной целостности не суммируется, а в процессе упорядочения, самоорганизации и автоматизации создает внутренне замкнутую систему связей — структуру, которая и определяет бытие, функционирование, сохранение и усложнение системы как целого.

Читатель может возразить, что такое понимание происхождения новых качеств по сути дела постулирует предсуществование этих качеств как потенций, присущих в непроявленном виде компонентам системы еще до системного взаимодействия, и что в данном случае мы фактически имеем не возникновение нового, а лишь проявление чего-то уже наличного. Но здесь мы переходим в область диалектики возможного и действительного. Достаточно лишь напомнить, что возможность наличествует в действительности, но не как готовая данность, которую надо лишь пробудить или развернуть, а лишь как совокупность предпосылок, которые при наличии определенных условий образуют новую действительность. Новое качество не дремлет где-то в глубинах существующих объектов, ожидая, когда его разбудят, а созидается из присущих ему предпосылок и тенденций, порождая нечто новое, ранее не существовавшее. Если бы дело обстояло иначе, т. е. каждое состояние материи было бы заложено в качестве возможности в прошлом, а развитие представляло бы собой только реализацию таких однозначно заложенных возможностей, то тогда ничего принципиально нового не возникало бы. Но поскольку развитие реализует не все возможности, а производит их отбор, и реализация одной означает «погашение» многих альтернативных возможностей, то развитие означало бы поступательное объединение возможных состояний и качеств материи, стягивание спектра бытия к точке. На самом же деле, как мы знаем, переход материи на каждый новый уровень организации открывает новый спектр возможностей, отсутствующих ранее. «В расширении сферы возможностей и их качественном изменении как раз и заключается сущность всякого развития по восходящей линии» (С. Т. Мелюхин).

Как писал З. М. Оруджев, возможности в самом общем и абстрактном виде «представляют собой наличие в недрах старой действительности реально существующей, общей, готовой **формы** новой действительности. Формы, которая будучи лише-

на субстанциального содержания будущей действительности, является вследствие этого весьма абстрактной, представляет собой лишь «нормальное бытие» предмета, или, как выражался Гегель, «формальную действительность».

Для того, чтобы эта форма наполнилась субстанциальным содержанием, нужна еще целая совокупность условий, но и наличие этих условий еще не означает превращение возможности в действительность, ибо существует конкуренция возможностей. Возможность сама по себе поливариантна, и потому ей присущи черты неопределенности, обусловленной наличием в любом предмете множества возможностей, в результате борьбы которых превращается в действительность только одна. Чем больше многообразия возможностей, каждая из которых претендует превратиться в действительность, тем больше неопределенность по отношению к конечному результату.

Каждая объективная возможность имеет основание и во внутренней структуре объекта, и во внешних условиях его существования, которые вследствие всеобщей изменчивости и универсальной связи отличаются большей вариабельностью и подвижностью, что приводит к текучести и неопределенности субстанциального наполнения каждой возможности, его «отливам» и «приливам», и в результате реализуется нечто уникальное, неповторимое, чего в наличном состоянии не было и не могло быть.

Разумеется, сказанное не исчерпывает все аспекты возникновения нового качества в процессе образования целостных систем. Он включает в себя также аспекты энергетические, организационные, информационные, которые к настоящему времени обстоятельно рассмотрены в некоторых работах. Мы же в данном исследовании считаем необходимым ограничиться именно этим аспектом, ибо в формировании нового качества считаем его основным, а организационный, энергетический и информационный аспекты — вторичными, вырастающими из данного и реализующими его.

Действительно, образование новой плотности требует как необходимого условия определенных энергетических процессов, которые чаще всего сводятся к поглощению энергии извне, реже — к выделению во вне избытка энергии. Энергия позволяет актуализировать одни связи и «выключить» другие, тем самым способствуя установлению и поддержанию системообразующих связей. Информационный аспект связан с запечатлением в связях системы важнейших характеристик внешних и внутренних факторов системы, организационный момент означает становление устойчивости и автономности связей внутри сис-

темы. Но главным механизмом возникновения нового является вовлечение некоторой совокупности элементов в некие системообразующие связи и отношения, превращающие эту совокупность в целостность, в результате чего у этих компонентов актуализируются новые свойства, синтезирующиеся в новое качество.

Но не всякая связь образует целостность, поэтому в разнообразных работах, посвященных системному подходу, выделяют разные виды целостности, подразделяя ее на целостность суммативную, механическую и органическую. Суммативные целостности (называемые также агрегатами) — это целостности, еще не сложившиеся или уже разрушившиеся, они представляют собой множество элементов, объединенных внешними или случайными связями, вроде кучи кирпичей, вязанки хвороста, скопления людей на улице и т. п. Вряд ли понятие целостности правомерно применять к подобным образованиям. В таких образованиях свойства и поведение элементов практически не зависит от целого, скорее здесь целое полностью зависит от частей, и стоит в какой-то степени нарушить их связь, суммативность прекращает свое существование. Механические системы (самый яркий пример — машина) обладают внутренней организацией и демонстрируют упорядоченное поведение по отношению к среде, но и внутренняя организованность и упорядоченность поведения наложены на систему извне, а не развиваются в процессе ее внутреннего самоопределения.

Стоит удалить отдельные компоненты или нарушить некоторые связи, такая система перестанет функционировать как целое и может возобновить его лишь после внешнего вмешательства, устраняющего поломки. Это в подавляющем большинстве случаев искусственные образования, они возникают и функционируют лишь как компоненты более сложных органических систем.

В органических же системах целое содержит свои компоненты, как писал Гегель, «под собою» и продолжает функционировать даже при утрате части компонентов и нарушении внутренних связей, обладая ресурсами регенерации и компенсации, но главный их признак в том, что связь частей в таком целом носит внутренне необходимый характер, а не налагается на них извне.

Именно органические системы и являются целостностями в подлинном смысле этого слова, и именно в них мы наблюдаем феномен рождения нового качества. Эволюция природы, ее восхождение от низшего к высшему идет по линии образова-

ния все новых и новых, более сложных и высокоорганизованных типов органических целостных систем, каковыми являются и социальные общности и популяции, и живые организмы, и молекулы, и атомы. В этот ряд включается и наиболее сложная целостность, тотальность нашего мира — Вселенная. Все эти системы саморазвивающиеся.

Саморазвивающаяся система — это такая система, которая сама производит себя, в которой движение от менее сложных к более сложным ступеням происходит на основе присущих ей, внутренне необходимых взаимодействий. Процесс саморазвития является основным признаком, позволяющим объединить эти системы в один большой класс. Все другие материальные системы, конечно, не лишены внутренних источников самодвижения, но они развиваются под направляющим воздействием внешних условий.

Высший тип системы — саморазвивающиеся системы — выступают как результат развертывания возможностей, заложенных в суммативных образованиях. Уже простое, элементарное взаимодействие, порождающее взаимосвязь суммативного целого, таит в себе абстрактные возможности самодвижения, самоусложнения и саморазвития.

Конечно, для этого нужны определенные условия, в которых осуществляется переход от одного порядка взаимоотношений к другому, от одного типа взаимосвязей к другому. При этом взаимосвязи типа суммативности не исчезают полностью, а могут входить в системное целое как основной элемент, «подчиняясь» законам более сложной системы.

Саморазвивающиеся системы исторически венчают лестницу системных объектов, представляя их наиболее развитую, зрелую форму. Но может показаться, что мы впадаем в противоречие: ведь если суммативные системы способны усложняться, дифференцироваться и т. д., значит они тоже развиваются. Имеет ли смысл выделять саморазвивающиеся системы как особый тип систем? Различие есть и заключается оно в том, что источники сил и связей, порождающих суммативности, заключены вне их, выступают как внешняя, чуждая им необходимость. Саморазвивающаяся же система источники движения и условия своего бытия несет в себе. Развитие от суммативности к саморазвивающейся системе имеет своим стержнем именно это превращение внешней необходимости во внутреннюю, формирование внутренних источников самодвижения. Но где лежат источники этого превращения, те движущие силы, которые превращают суммативность в саморазвивающуюся целостность?

Ответ следует искать, во-первых, в том, что, как уже указывалось выше, любое элементарное взаимодействие несет в себе абстрактные потенции самодвижения и самоусложнения; но чтобы потенции развернулись и реализовались нужны внешние условия самодвижения. Иными словами, саморазвивающаяся система может рассматриваться как необходимое условие возникновения любого объекта, как та среда, которая содержит в себе движущие силы, вызывающие объединение элементов в суммативность и прочее.

На первый взгляд получается замкнутый круг: саморазвивающаяся система, с одной стороны, есть высшее звено в цепи системных объектов, с другой — выступает как исходный пункт, необходимое условие образования системных объектов. Логический круг здесь лишь кажущийся. Причиной саморазвития, как это следует из вышесказанного, являются процессы материального взаимодействия. Самодвижение материи, которая реализуется в процессах саморазвития, мыслимо лишь как взаимодействие вещей реального мира. Трактовка суммативности как системы, связанной только внешними силами, носит односторонний характер. Уже сам факт взаимодействия между элементами порождает внутренние силы, которые при определенных условиях могут породить устойчивое самодвижение в системе (отметим при этом, что не любое суммативное целое обладает такими предпосылками и характеристиками, которые позволяют ему стать целостной системой и тем более саморазвивающейся системой). Далее, не следует забывать, что любой системный объект зарождается в рамках и условиях какой-то другой, саморазвивающейся системы. Так, человечество зародилось в рамках системы живой природы, последняя возникла в системе геологического круговорота Земли. Земля есть продукт саморазвития единой, бесконечной материи. История является самой сложной, зрелой и неисчерпаемо богатой саморазвивающейся системой, заключающей в себе источники любого изменения и развития.

Следовательно, всякое развитие есть в конечном счете саморазвитие, осуществляющееся в рамках некоторой саморазвивающейся системы. Развитие, обусловленное внешними силами, внешней необходимостью, производно по отношению к саморазвитию. Поэтому действительно саморазвивающаяся система и начало, т. е. необходимое условие всякого развития и усложнения, и результат. Саморазвивающиеся системы способны воспроизводить себя, но не путем механического копирования, а порождая из своих недр системы более сложные и развитые, чем исходные.

В силу вышеизложенного, всякое развитие может быть понято только через саморазвитие, поэтому исследование саморазвивающихся систем имеет важнейшее значение для материалистической диалектики, а процессы саморазвития должны быть, в первую очередь, предметом исследования диалектики. Отвлекаясь от специфических особенностей конкретных саморазвивающихся систем, материалистическая диалектика дает нам общее знание об их становлении и развитии, их месте в общем мировом процессе.

Удмуртский университет

О. Н. Бушмакина

ЯЗЫК КАК ПРОЯВЛЕНИЕ «Я», СОЗНАНИЯ, УМА, МЫСЛИ

Исследование бытия проводится в двух аспектах: элементаристском и целостном. Недостаточность принципа элементаризма, заключающаяся в последовательном делении целого на несоединимые далее части, приводит к тупикам этого подхода. Именно поэтому мы в дальнейшем будем работать в рамках принципа целостности, который, на наш взгляд, более соответствует представлениям о бытии как целостности.

Рассуждения о бытии не должны выводить за пределы самого бытия в небытие или инобытие. Для этого следует придерживаться тождества бытие — бытие. Однако само рассуждение о бытии тоже является бытием, и следовательно, бытие должно быть тождественно мышлению, только тогда философия получает возможность рассуждать о бытии. Итак, бытие непременно должно отождествляться с мышлением или познанием. Знание тоже должно существовать как целое, иначе тождество нарушится. Целостное должно быть безусловным, т. е. самоосновным и самодостоверным. Первой достоверностью, как известно, является достоверность существования Я. В целостной неопределенности существования знания появляется первая определенность, которая выражена в принципе «я есть». Теперь эта достоверность должна быть развернута в систему.

Для этого используем способ самоопределения Я в тождестве Я — Я или самоутверждении Я. Всякое утверждение предполагает некоторую неутвержденность или текучесть. Тогда поток знания или мышления существует как поток сомнения. В отличие от Декарта мы движемся как бы обратным путем, т. е. не ищем окончательной утвержденности в потоке сомнения, но напротив, утвержденность подвергаем сомнению.

Тезис «я есть» превращается в вопрос «я есть?». С этого самовопрошания начинается знание для Я. Оно вступает в его поток, фокусирует интуицию знания и задает его первую определенность — направление потока. По мнению Г.-Г. Гадамера, «к сущности вопроса относится то, что вопрос имеет смысл. Смысл, однако, есть направленность. Смысл вопроса — это, таким образом, направление, в котором только и может последовать ответ, если этот ответ хочет быть осмысленным, смыслообразным. Вопрос вводит опрашиваемое в определен-

ную перспективу. Появление вопроса как бы вскрывает бытие опрашиваемого. Поэтому логос, раскрывающий это вскрытое бытие, всегда является ответом. Он сам имеет смысл лишь в смысле поставленного вопроса»[1]. Осуществляется движение от Я и к Я, где оно само для себя выступает как вопрос и как ответ, как спрашивающий и как отвечающий. Только в таком понимании вопроса и ответа, как мы представляем, они смыслообразны, ибо имеют своим неизбывным или смыслом определяющееся Я в его стремлении к самопониманию. И лишь благодаря этому, вопрос и ответ представляют единую вопросно-ответную целостность, где конец вопроса совпадает с началом ответа, и наоборот. Точка границы разворачивает себя в линию дискурса.

Кроме того, вопросно-ответная целостность означает, что осуществляется тождество вопрос — ответ, и следовательно, предполагает свое развитие в тождествах вопрос — вопрос и ответ — ответ. В случае, когда тождество вопрос — вопрос выражается дискурсом «вопрос есть», то аналогично тому, как это в себетождественности бытия, тезис означает процессуальность вопроса или вопрошание. Непрерывность вопрошания может ограничиваться только ответом, поэтому в потоке вопрошания ответ является точкой или границей. Тогда он выступает по отношению к субъективации тока вопрошания объектом или «остановкой», можно сказать, что ответ является «прошлым» состоянием вопроса. Для того чтобы задаться вопросом «я есть?», необходимо признать — «я есть». «Я» обращается к самому себе с вопросом для того, чтобы утвердиться в изначально предполагаемом ответе и, пройдя через сомнение, утвердиться в себе. Без этого движения познание невозможно.

Во взаимной обусловленности вопроса и ответа рождается общее напряжение, которое разрешается движением в общей вопросно-ответной интонации. Начальное определение смысла всех вопросов и всех ответов или некое общее понимание есть традиция или диалог. В мышлении или представляющем понимании, знании, существующем как поток бесконечного вопрошания, есть общие способы вопрошания и представления «заготовленных» ответов, без которых они попросту не имеют смысла. М. Хайдеггер отмечал, «что бы и как бы мы не пытались помыслить, мы мыслим в поле традиции»[2]. Именно она задает общее узнавание, в границах которого появляется чувство правильности или ложности конкретно выбранного направления. Здесь определяется общее соответствие или несоответствие выбора некоему общему смыслу. Возникает инту-

итивное чувство или предчувствие, пред-ощущение ответа. Оно выражается как то, что «имеет некоторый смысл», «в этом что-то есть» или же — «нет, здесь что-то не то».

Формируется общая позитивная или негативная направленность ответа или пред-мнение. Оно конкретизируется в пред-понятиях, которые делают возможным истолкование. По утверждению Г.-Г. Гадамера, «истолковывать как раз и значит: ввести в игру собственные пред-понятия»[3]. Пред-понятие, выраженное в пред-мнениях, и в пред-понятиях задает истолкование. Все эти состояния «пред» означают только внутреннюю готовность к исследованию, направленность на него. Исследование, направленное на себя и от себя, — это общее интуитивное состояние, которое не может истолковываться как нечто внешнее, это целостность, которая может только самотолковаться, самоистолковываться. Тогда оно представляется как самоопределяющееся понимание или самопонимание.

Определенность ответа, как мы считаем, никогда не бывает полной, т. к. несет в себе целостность традиции или понимания. Тогда как вопрос должен быть облечен в точную логическую форму, представлять собой определенную связь понятий, каждое из которых, как проясняется в ответе, не достаточно определено, а их взаимная связь — следование друг за другом — каким-то образом задано. Эта общая заданность предполагает исчисленную вариативность ответов, возможность их определения, ограничивания. При этом происходит уточнение смысла пред-понятий, выражающих пред-мнение исследователя. Происходит постоянное «набрасывание заново», в котором осуществляется смысловое движение понимания и истолкования.

Происходит смена понятий, существование которых только и было предназначено к тому, чтобы дать возможность заговорить общему смыслу или пониманию. «Парадоксальным образом, истолкование правильно тогда, — пишет Гадамер, — когда оно само способно к подобному исчезновению, оно должно быть все же представлено. Возможность понимания зависит от возможности подобного последующего понимания»[4]. Истолкование уходит, растворяется в потоке знания и дает возможность проявиться и высказаться пониманию. Истолкование оказывается «бывшим» пониманием или, как бы мы сказали, «его следом». Объяснительность истолкования, та форма, в которой объективируется понимание и которая позже «смывается» новыми набегающими потоками знания. Именно поэтому само истолкование отступает в тень, а понимание может быть представлено как самопонимание или: «...мы понимаем, потому что уже понимаем». Одним словом, понимание

выступает в этом случае исходной категорией знания, предельно насыщенной смыслом или неопределенной. В системе знания она оказывается тождественной бытию. Таким образом, исходное тождество бытие — бытие или бытие — знание превращается в тождество бытие — понимание. Быть — значит понимать.

Первичное понимание или пред-понимание содержит в себе первую утвержденность или пред-чувствие существования «я есть». Это первый ответ, который пред-полагает первый вопрос «я есть?». Ответ на него есть уже некоторое истолкование или открывающаяся вариативность ответов, поле символов. Объективация сменяется субъективацией, а та вновь объективизируется. Выполняется субъект-объектное тождество. Понимание оказывается исходной точкой и конечной, постоянно убегающей точкой, которая стремится к самой себе в порыве самоопределения. Первое «я есть» вопрошает: «Я есть?», чтобы утвердиться: «Я есть!».

Вечно колеблющийся поток сомнения набегает на точку Я и в торможении становится сферой знания, оболочкой пульсирующего шара вопросно-ответной целостности. Когда Я обращается к самому себе с вопросом, оно переступает установившиеся пределы своего существования и тем самым подвергает его угрозе не-бытия. При этом Я как бы смотрит на себя со стороны, представляясь себе «другим», однако, понимает, что это только оно само, и потому в этом смотрении узнает себя. «Я» толкует себя «по-другому», и этот другой для него является объектом познания. Возникающие в процессе толкования категории рассказывают о «другом», и потому должны смениться, уйти, осознаться в категориях и языке самого Я. Если этого не происходит, «Я» объективируется и застывает в образе объекта или «другого», или мира, или не-Я. Гарантом, делающим невозможным это превращение, «оборотничество», служит понимание происходящих процессов или постоянная саморефлексия, которая удерживает в фокусе собственного взгляда только самого себя. Гадамер пишет: «Мы исходим из тезиса, это значит, прежде всего, понимать друг друга. Понимание есть в первую очередь взаимопонимание. Договоренность — это, стало быть, всегда договоренность о чем-то. Само понимание — это самопонимание в чем-то. Уже язык свидетельствует о том, что «то, о чем...» и «то, в чем...» не есть лишь сам по себе произвольный предмет речи, от которого независимо ищет путь взаимное самопонимание. Напротив, это — путь и цель взаимопонимания как такового. Коль скоро, два человека понимают друг друга независимо от подобных «того,

о чем...» и «того, в чем...», значит, они понимают друг друга не в том или ином вопросе, а вообще в том существенном, что связывает людей»[5].

В обращенности «Я» к самому себе как «другому» завязывается беседа, в которой сомнение уже представлено как со-мнение или соотношение мнений. Каждый из собеседников имеет собственное мнение. Однако беседа была бы невозможной, если бы эти мнения в своей глубинной сущности не имели бы единства или общего смысла. Гадамер считает: «То, что раскрывается здесь в своей истине, есть логос, который не принадлежит ни мне, ни тебе и который поэтому настолько превышает субъективные мнения собеседников, что даже и тот, кто руководит беседой все время остается в неведении. Диалектика как искусство ведения беседы есть одновременно искусство видеть вместе с собеседником единство данной точки зрения, т. е. искусство образования понятий как вырабатывания мнений, общих для собеседников»[6]. Понимание как единая точка зрения, структурируется в мнениях собеседников, которые обращаются друг к другу с вопросами, отвечают, выговариваются в общем диалоге, и посредством этого взаимообращения обретает язык, говорит устами собеседников. Иначе говоря, понимание устанавливается в языковых структурах и в них самоопределяется. Понимание «я есть» устанавливается выражением: «Я есть Я». Это говорящее понимание и слушающее понимание. Бытие как самопонимание становится говорящим бытием или языком. Итак, тождество бытие — бытие переходит в тождество бытие — язык или язык — язык.

Язык есть язык. Первое утверждение языка. Можно рассуждать несколькими способами. Так, если представить язык в аспекте «есть», то, как мы помним, язык предстанет процессуально, т. е. как некая деятельность, подвижный поток. Анализируя это движение, мы можем, оставаясь за его пределами, созерцать его со стороны. Язык становится объектом нашего исследования. Но возможно ли это? Коли мы находимся в потоке языка, то мы не можем говорить языком, рассуждать, исчезает возможность дискурса. Если же мы говорим языком о языке, то существуют, по крайней мере, два языка: тот, на котором говорим, и тот, которым говорим. Тогда следует доказать их сходство или некое взаимоотношение, благодаря чему мы можем выражать один язык посредством другого. Возникает бесконечная цепь промежуточных языков — посредников. Природа исходных языков так и остается непроясненной.

Допустим, что язык исходит из человека и тогда является человеческой деятельностью. Вопрос о природе языка становится вопросом о сущности человека. Исходящая из человека деятельность, безусловно, должна нести в себе отпечаток его сущности. Язык представляется как выражение внутреннего состояния человека, а значит, снова становится внешним по отношению к нему. Таким образом, второе решение сводится к первому. Примерно теми же недостатками страдает положение о языке как «материальной оболочке мысли». Здесь проблема переводится на язык основного вопроса философии и ставит проблему соотношения материального и идеального в языке или проблему языка и значения. В язык вводится изначальная двойственность «расколотость», которая не может устраниться простым введением термина «практика», ибо в конечном счете она сводится к языковой практике или языковой деятельности, а сам язык рассматривается как орудие трудовой деятельности. Он становится посредником между человеком и природой и, как всякий посредник, несет в себе неустранимую двойственность субъекта и объекта. Любая попытка представления языка в этих случаях уводит от самого языка. Он «уклоняется», ускользает из-под взгляда исследователя.

Для того чтобы язык оставался в центре внимания, он должен всегда оставаться себетождественным: язык есть язык. Это возможно только тогда, когда человек неизбывно находится в потоке языка. Но человек говорит языком, а язык выговаривается посредством человека. Все, что мы мыслим о языке, есть только сам язык в его самопредставленности, в пред-стоянии перед самим собой. Мыслью осуществляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не вырабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим существом. Отношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек (М. Хайдеггер)[7]. Язык самоосновен как самоосновно само бытие, и следовательно, не нуждается в чьем-то при-сутствии. Язык по своей сути не выражение и не деятельность человека. Язык говорит о себе и в этом говорении себя созидает. Он обращается к самому себе по поводу самого себя, собственного существования. Бытие языка есть бытие. Однако всякое бытие есть присутствие, и язык обращается к этому присутствию или взывает к самому себе, он вызывает, зовет, призывает собственное бытие как ближайшее. Язык вещает, вызывает вещи, называет их. Называние — это приглашение. Названная вещь становится

вещью людей. Вещи вызываются к бытию, пребывают, входят в просвет бытия, высвечиваются, проявляются и проявляются, вещая о своей вещности. В названии вещи взывают к своей вещности. Вещая, они раскрывают мир, в котором пребывают вещи и который пребывает в них. Вещая, вещи несут мир... Вещая, вещи являются вещами. Вещая, они хранят мир.

Вещи и мир не стоят друг после друга. Они проникают друг в друга, пересекаются в точке со-бытия, в средостении или средокрестии, там они находятся в единении. Середина или «между», или «интер»—это промежуток, раз-рыв, раз-личие. Их единство есть единство различия. Раз-личие опосредует серединой мир и вещи, доводит до их сущности, приводит друг к другу в единении единого. Мы бы сказали, что середина — это та точка, в которой единятся, собираются все вещи в их вещности, мир в его сущности. Это точка единения, точка сбора, в которую стремятся все вещи, точка их призыва, откуда исходит зов — это точка языка. Как точка середины или «между», точка раз-личия, она является точкой границы, выявляющей это различение, являющей его в разных лицах, обликах, бликах, «мерцающих» смыслах. Язык, следовательно, есть граница. Язык как граница ограничивает, определяет вещи, именует. Первоначальный зов, называющий сердцевину вещи и мира, есть собственно имя. Это имя есть сущность говорения... Это язык языка. Это точка, в которой язык называет себя — язык.

Итак, можно сказать, что в точке языка поток языка себя определивает и определяет. В потоке, как мы знаем, это точка гомеостазиса или точка покоя, соответственно, здесь это точка молчания, в которой успокаиваются вещи и мир в своем единении. В молчании языка человек должен услышать звон тиши, призыв бытия для того, чтобы войти в просвет сбывающегося и осуществиться. Собирающий зов и есть говор, звучание. В раз-личии звона тиши и звучания говора человек осуществляется. Звон тиши существует только для того, чтобы человек мог услышать этот звон и ответить ему говорением. Человек в звоне тиши находит со-ответствующую ему мелодию звучания и в ней сбывается. Человек говорит постольку, поскольку он соответствует языку. Соответствие есть слушание. Слушают постольку, поскольку слушают призывы тиши.

Таким образом, мы считаем, что в подвижном потоке языка, граница или точка языка существует как определенная неопределенность или конечная бесконечность. Действительно, поскольку точка языка является точкой гомеостазиса или покоя, то в ней весь поток определяется, но учитывая, что точка

есть точка молчания, то она сохраняет смысловую неопределенность, которая позволяет ей впоследствии выражать все или бытие. Будучи границей, исходная точка языка раз-личает направления в потоке: этот звон тиши и звучание говора рождает соответствие, в котором сбывается человеческая сущность. Иными словами, человек оказывается в точке языка, которая звучит и отзывается, отвечает, а следовательно, и вопрошает. Это вопрошание о собственной сущности или вопрос существования: «Я есть?». В ответе на этот вопрос открывается средостение вещей и мира, вскрывается их сущность. Открывая мир, человек обретает собственную сущность и сбывается в ней. Мир человека оказывается миром языка.

На основе вышеизложенного, мы можем утверждать, что самоопределение бытия производится в языковых структурах, которые не могут трактоваться как нечто существующее отдельно и вне бытия, но только как само бытие в его постоянном становлении, самоопределении и самопонимании. Посредством языка бытие выговаривается, определяется в понятиях, обретает истину или логос. В языке бытие со-общается с самим собой, ведет с собой беседу или диалог, и осуществляется существенно человеческое со-бытие. Со-бытие постоянно выходит за собственные границы и, являя себя в своей раз-личности как вещь или мир, пытается понять собственную сущность. Бытие говорит с самим собой и постоянно слушает себя, вслушивается, задает себе вопросы и отвечает на них, постигая смысл собственного существования в бесконечных вопрошениях и толкованиях. Граница бытия есть точка зрения, из которой и посредством которой бытие получает возможность самосозерцания и самоопределения в понятиях. Самоопределение бытия есть расширение круга не-потаенности, т. е. открытости или истины бытия как сбывающегося. В расширении границ самоосуществляется полнота бытия как истина человеческого присутствия. Язык обретает имя, самоименуется, получая имя собственное или собственное имя, он сбрасывает анонимность, и теперь точка зрения становится личностной, человеческой, исследовательской точкой зрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 427.
2. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 79.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 462.
4. Там же. С. 463.

5. Там же. С. 227—228.
6. Там же. С. 432—433.
7. Хайдеггер М. Язык. СПб., 1991. С. 9.

Удмуртский университет

М. В. Петрова

ЦЕННОСТИ ДЕМОКРАТИИ КАК РАБОТА МЫСЛИ И СОЗНАНИЯ

Современная ситуация в стране — тревожная и неясная — заставляет нас постоянно задавать себе вопрос: что же все-таки происходит? Что составляет сущность современного социального процесса, и что мы все делаем?

Конечно, осознание сути исторических реалий дело неблагодарное. Нередко смысл исторических действий обнаруживается через продолжительный временной интервал. Но этот факт ни в коей мере не освобождает нас от ответственности за наши поступки. Более того, долг и святая обязанность гуманитарной интеллигенции состоят как раз в том, чтобы как можно точнее определить направление социального движения.

В данной статье предпринимается попытка анализа движения общества по пути демократии. Представляется, что этот процесс требует серьезной корректировки. Возможные направления коррекции и будут предложены в данной работе.

Итак, зададим вопрос: в чем своеобразие современной социальной ситуации? На наш взгляд, своеобразие ситуации заключается, как раз в том, что она чрезвычайно похожа на ту, которая имела место в предшествующую эпоху. Наше время замечательно демонстрирует иронию истории. 70 лет мы строили светлое коммунистическое будущее, а построили жесткое тоталитарное государство, которое развивалось под грузом внутренних противоречий. Мы хотели выковать нового человека, а сами полстраны засадили в лагеря, заставив общество жить по законам «зоны». Что же происходит сегодня? — Мы строим светлое капиталистическое будущее. Где гарантия, что вновь не построим какого-нибудь жуткого монстра вместо рыночного рая? А гарантий нет, и кажется, что их становится все меньше и меньше.

Возьмем другой вопрос: почему «замечательная» демократия приносит нам горькие-горькие плоды: кровь в национальных конфликтах, рост преступности и жестокости, обнищание материальное и растление духовное широких народных масс? Оппоненты кричат: «Демократические одежды для широких плеч русского мужика!». Им вторят более спокойные критики: «Ничего страшного, это болезнь роста». В чем же дело? Многие сходятся во мнении, что главная беда — в стихийности процесса перестройки, в слабой его управляемости. Да, это

имеет место. Но стихийность — это, скорее, результат, нежели причина. Почему же он стихийный? Наверное, потому, что не было достаточно времени на обдумывание ситуации, и мы постоянно уходим от главной проблемы — от обсуждения содержательной, концептуальной программы перестройки. У нас есть различные модели экономической реформы, альтернативные программы помощи пенсионерам и инвалидам, имеются программы финансовой стабилизации, несметное количество программ перестройки образования, здравоохранения и т. д. Но все это рассыпается, как карточный домик. Долгожданная стабилизация не наступает, а в обществе господствует атмосфера растерянности и неуверенности. Возникает ощущение, что мы боимся задать себе вопрос: чего мы хотим, каков наш **идеал? Да,** идеал, а не программы фиксации цен, стабилизации рубля и т. п. Тем не менее ответить на этот вопрос необходимо, особенно в России. Уж так сложилось исторически, что наша страна в период переломных эпох всегда боролась за идею: за освобождение Руси от татар, за освобождение от поляков, за утверждение великой империи — при Петре, за мир без бедных и богатых — при коммунистах, за Родину — против фашистов, за то, чтобы обогнать и перегнать — при Хрущеве и т. д. Сейчас нам предлагают: «Давайте строить Америку». Другие говорят: «Нет, Японию — престижнее». Третьи спокойно возражают: «Лучше всех живут скандинавы. Давайте строить Швецию». А четвертые заявляют: «Стройте что угодно, только чтоб была демократия!» Во имя торжества демократии съезд не принимал Конституцию, во имя демократии президент расстреливал Белый дом. Во имя демократии делается все, что происходит в нашей стране в последнее время. Кажется, что демократия — это какая-то волшебная палочка, которая решит все проблемы. В действительности идет постоянное смешение понятий. В настоящее время верх одерживает концепция «формальной» демократии. Сущность этой теории заключается в том, что задача построения демократии рассматривается как сочинение хороших законов, издание всевозможных указов, установление принципа разделения и выборности властей и любыми средствами создание оппозиции. В экономике процесс демократии приравнивается к установлению института частной собственности повсеместно. В духовной сфере сущность демократии представляется как «безбрежная» свобода слова. В заключение говорится: «Автоматическим следствием данных перемен будет благоденствие, всеобщий мир, согласие и процветание». К сожалению, концепция «формальной» демократии — это не уто-

пический проект, а схема, которая уже воплощается в действительность. На наш взгляд, она имеет несколько серьезных изъянов. **Во-первых,** средство рассматривается как цель. Так в чем же наша задача? Просто в том, чтобы установить в стране разделение властей, ввести институт частной собственности или в том, чтобы создать достойный уровень жизни для подавляющего большинства населения? Если в качестве цели мы ставим задачу, то полностью уподобляемся критикуемым ныне коммунистам, которые строили коммунизм вопреки всему. Сказано: делать бесклассовое общество. Сделали — уничтожили классы физически: фабрикантов, купцов, кулаков. В результате наступил страшный голод. Но никакой коррекции магистрального курса не последовало. Сейчас складывается аналогичная ситуация. Но изменение курса развития в современных условиях возможно. Однако это не происходит. Почему? Потому, что постоянно муссируется тезис, что потери неизбежны, что ухудшение материального положения обязательно. Вместо того чтобы признать это явление недопустимым и неправильным, мы сами отворачиваемся от поиска средств улучшения ситуации подобными заупокойными службами. Если бы была четко взята магистральная линия развития на повышение благосостояния народа, на модернизацию промышленности, на повышение эффективности сферы обслуживания, то и средства искались бы, исходя из этой цели. Тогда все внимание сосредоточивалось бы не на той или иной форме собственности, а на эффективности ее работы. **Во-вторых,** сторонники «формальной» концепции, защищая свои позиции, постоянно ссылаются на западный опыт. Мол, на Западе есть и институт президентства, и права человека, и разделение властей, и конституции. Поэтому, говорят они, на Западе существует экономически процветающее общество. Нам представляется, что здесь причину подменяют следствием. Напротив, именно потому, что там высокие темпы экономического развития, производительности труда, уровень жизни, и возможны права человека, конституционные права, президентская власть устойчива и ветви власти сбалансированы. Ведь в тех странах, где существует проблема экономического роста и эффективности экономики, и присутствует фактор нестабильности политического режима, т. е. всего формального аппарата демократии. Примером могут служить ситуации в Италии, Испании, Турции, Египте, Алжире, Афганистане и т. д. В этой связи совершенно справедливы слова известного публициста С. Қара-Мурзы, который в статье «Уничтожение России» пишет: «Если разрушается производственный потенциал тяжелой

промышленности, сельского хозяйства, транспорта, обороны, если на территории многонационального государства нарушается мир, то теряют смысл и эффективность все понятия демократии»[1].

В-третьих, идеал «формальной» демократии, который кажется таким привлекательным и безальтернативным его апологетам, на Западе вовсе не рассматривается в качестве такового. Существует серьезная и развернутая его критика. Например, такие исследователи, как Алексис Токвиль, Ипполит Тэн еще в XIX веке писали, что «формальная» демократия представляет собой торжество чистого количества над качеством и содержанием социального организма. «Десять миллионов невежд,— писал в 1875 г. Тэн, — никогда не смогут вместе составить одного мудреца»[2]. Исследователь категорически возражал против того, чтобы сущность демократии приравнивали к простому провозглашению права гражданина на голосование. Сейчас сплошь и рядом референдумы рассматриваются как основной и едва ли не главный инструмент демократии. Последнее решение о принятии Конституции через референдум абсолютно доказывает господство этой «формальной» концепции в нашей стране. Данные примеры могут показаться кому-то архаичными. Чтобы избежать этого впечатления приведем свидетельство нашего современника. Например, профессор американского университета Дж. Холтон в своей статье «Что такое антинаука?» приводит интересные результаты обширных социологических исследований. Они были представлены в докладе советника президента США по науке Д. А. Бромлея под названием «На пороге 2000 года: мировое первенство». Исследования показали, что половина опрошенного взрослого населения не знает, что Земля вращается вокруг Солнца за 1 год[3]. Меньше половины взрослого населения США убеждены в эволюционном происхождении человека из органического мира. Каждого второго взрослого ставит в тупик задача: определить одну сторону квадрата при известной другой его стороне. Около одной трети взрослого населения подтверждает, что верит в воскрешение, более половины — верят в возможность повседневных чудес благодаря молитве, 60% — заявляют, что верят в буквальное существование ада для проклятых.

В целом, по данным И. Миллера, «уровень общественного понимания науки и технологии в США (1990 г.) составляет: только 7% взрослого населения США обладают эталонным уровнем научной грамотности, 13% обладают, по крайней мере, минимальным уровнем понимания смысла и целей науч-

ного познания» [4]. Из этих фактов Холтон делает любопытный вывод. Он пишет: «К чисто теоретическому значению этой проблемы добавляется и политический аспект: при демократическом устройстве общества все граждане, как бы малограмотны и невежественны они не были, имеют законное право на участие в принятии решений, существенное место в которых в современных условиях принадлежит научно-технической стороне дела. В этом обстоятельстве кроется возможность крупных политических ошибок и дестабилизации общества»[5]. Нам остается лишь присоединиться к столь печальной констатации факта.

Наконец, в концепции «формальной» демократии есть еще одно слабое место: принцип индивидуализма. Сторонники данной теории рассматривают индивидуализм как краеугольный камень демократии, как его главную ценность, как фундамент «нового» общества. Эти теоретики случайно или намеренно полностью игнорируют тот факт, что именно принцип индивидуализма как элемент западной демократии подвергается ожесточенной критике как справа, так и слева. Например, Рене Генон (представитель правого крыла политического спектра общественной жизни) в своей книге «Кризис современного мира» пишет: «Индивидуализм — главная причина настоящего упадка Запада, поскольку он тождественен развитию исключительно низших возможностей человечества, возможностей, не требующих для своей актуализации никакого вмешательства сверхчеловеческого элемента и более того, способных свободно развиваться лишь при полном отсутствии такого сверхчеловеческого элемента...»[6]. Ему вторит Ален де Бенуа — главный идеолог французских Новых Правых. Характеризуя принцип индивидуализма, он пишет: «Либеральная демократия, ставящая во главу угла принцип либерализма, наиболее распространена в современном мире. Этот тип демократии делает акцент на индивиде, нарциссическом субъекте, абсолютизируя его экономические потребности. Он подчиняет всю структуру общества эгоистическим интересам «свободного» потребления»[7]. Критика со стороны левых принципа индивидуализма общеизвестна, поэтому нет смысла ее воспроизводить.

Подведем общий итог. Существующий курс демократического реформирования нашего общества требует серьезной корректировки. Наиболее перспективным в этом направлении видится избавление от иллюзий «формальной» демократии и утверждение подлинно демократических ценностей, отвечающих интересам всех слоев общества. Совершенно необходима реа-

лизация идеала полноценного развития государства на основе укрепления промышленного потенциала через модернизацию технологий и постоянное повышение уровня жизни народа на основе гармоничного сочетания интересов личности, коллектива, общества и государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кара-Мурза С. Уничтожение России//Наш современник. 1993. № 1. С. 130.
2 Цит. по: Дугин А. Органическая демократия//Наш современник. 1992. № 10. С. 139.
3 Холтон Дж. Что такое антинаука?//Вопросы философии. 1992. № 2. С. 29.
4. Там же. С. 29.
5. Там же. С. 27.
6. Генон Р. Индивидуализм//Наш современник. 1992. № 10. С. 153.
7. Цит. по: Дугин А. Органическая демократия//Наш современник. 1992. № 10. С. 153.

Ижевский технический университет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Странно, что мы придаем такое значение печатному слову, так называемым выдающимся книгам. Ученые, как многие другие люди, подобны воспроизводящим устройствам: они воспроизводят содержание пластинок, кассет, в то время как оно может часто меняться. Подобные люди имеют дело со знаниями, а не с состоянием переживания. Знание — помеха переживанию. Но знание — это неизбежное убежище лишь для немногих, а поскольку те, кто не имеет знания, находится под сильным его впечатлением, носители знания окружены уважением и почетом. Знание — это такая же страсть, как рыбалка; знание не несет понимания. Знанию можно научиться, но нельзя научиться мудрости. Знание — не монета, за которую покупается мудрость, но человек, который нашел прибежище в знании, не отваживается отойти от него, т. к. слова питают его мысли, а процесс мышления доставляет ему удовлетворение. Если мышление — препятствие для переживания, то не существует мудрости вне переживания. Знание, идея, вера стоят на пути мудрости. Занятый ум несвободен, он лишен спонтанности, а только в состоянии спонтанности возможно открытие. Занятый ум замкнут в себе, утратил открытость, незащищенность, обеспечивая таким образом безопасность. Мысль, по своей структуре, является замкнутой в себе, ее нельзя сделать уязвимой. Мысль никогда не бывает спонтанной, никогда не бывает свободной. Мысль — это продолжение прошлого, а то, что является продолжением, не может быть свободным. Свобода существует лишь в завершении.

Занятый ум творит только то, над чем он может работать. Он может создать телегу с воловьей упряжкой или реактивный самолет. Мы можем думать, что мы глупы, и мы глупы. Мы можем считать себя богом и тогда соответствуем собственной идеё «я есть то».

То, что мы думаем, — это мы сами, но важно понимание процесса мышления, а не то, о чем мы думаем. Будем ли мы

думать о боге или о вине — это не существенно. Каждая мысль имеет свое особое воздействие, но и в том, и в другом случае мысль занята своими собственными проекциями. На каком бы это ни было уровне, это значит боготворить себя. Ваше «Я» (с большой буквы) — это все еще проекция мысли. Какой бы оно ни было занято мыслью, оно есть эта мысль. А то, что оно есть — это не что иное как мысль. Вот почему важно понять именно процесс мысли. Мысль есть ответ на вызов, не так ли? Если нет вызова, нет мысли. Совокупность вызова и ответа — это опыт, а опыт, облеченный в слова, — это мысль. Опыт имеет дело не только с прошлым, но и с прошлым в соединении с настоящим; он может проходить через сознание и вне его. Этот осадок, экстракт опыта есть память, фактор, оказывающий воздействие, а ответ памяти, прошлого — это мысль.

Но разве все, что есть относится к мысли? Разве не существует больших глубин в области сознания, чем одни только ответы памяти?

Мысль может ставить себя на различные уровни — на разумные и глубокие, благородные и низкие. Это она и делает, но все это остается мыслью, не так ли? Бог как предмет мысли — от ума, от слова. Мысль о боге не есть бог. Это только ответ памяти. Память длится долгое время, и поэтому может казаться глубокой, но по своей структуре она не обладает глубиной. Память может не пребывать на поверхности, может не находиться на виду, но это не делает ее глубокой. Мысль никогда не может быть глубокой или стать чем-то большим, чем то, что она есть. Она может придавать самой себе гораздо большее значение, но при этом она всегда остается мыслью. Когда ум занят собственными проекциями, он не выходит за пределы мысли. Он лишь принял на себя новую роль, новую позу, а под новым покровом остается все та же мысль.

Но каким образом можно выйти за пределы мысли? Осуществить один из главных приемов в ее управлении?

Разве вопрос заключается в этом? Вы не можете выйти за пределы мысли, вы — творец усилия, вы сами результат мысли. В раскрытии мыслительного процесса, что означает самопознание, истина того, что есть, кладет предел процессу мысли. Истину того, что есть, нельзя найти в древних или современных книгах. То, что можно найти, — это слова, а не истина.

Тогда как же найти истину?

Ее нельзя найти. Усилия найти истину ведут к результату, который является собственной проекцией «Я», но этот результат — не истина. Результат — это не истина, результат — это продление мысли, расширенной или спроецированной. Только

тогда, когда прекращается мысль, существует истина. Мысль же может прекратиться вследствие принуждения, дисциплины, благодаря какой-либо форме сопротивления. Слушание рассказа того, что есть, приносит освобождение. Освобождает истина, а не усилие стать свободным.

Таким образом, завершая наш сборник научных трудов, хотелось бы сделать следующие выводы:

1. «Я», сознание, ум, мысль составляют единую, целостную, духовную сущность человека.

2. Сознание и мысль, будучи производными внешнего, затем превращаются в главный фактор, обусловливающий всю жизнедеятельность человека.

3. Внутренний мир человека (внутреннее хозяйство, экономика) обусловливает в решающей степени его внешнее окружение. Индивид и общество — это целостное образование. Измените внутренний мир человека — изменится и внешний.

4. Экономика внутреннего хозяйства человека в решающей мере обусловливает всю внешнюю экономику, экономику села, города, области, республики, государства, общества.

5. Для изменения внутреннего мира человека необходима соответствующая революция, единственное, что может привести к результату, который человечество ищет тысячелетия.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК: СОЗНАНИЕ И МЫСЛЬ

Сборник научных трудов

Редактор Л. М. Клименко
Технический редактор С. И. Зянкина
Корректор Л. М. Клименко

Сдано в набор 28.01.94. Подписано к печати 08.02.94.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 5,9. Заказ № 290. Тираж 300 экз. С. 05.

Издательство Удмуртского университета,
426034, Ижевск, Красногеройская, 71.

Типография объединения «Полиграфия».
426034, Ижевск, Удмуртская, 237.